

Гости Ильича (Ставропольская быль)

Бор. Речин

Глава первая

ПРОВОДЫ

1.

Скоро выпадают из памяти бесчисленные впечатления житья-бытья, даже и те, которые в свое время показались было нам важными, но потом, заслоненные новыми быстротекущими событиями, вдруг переставали волновать и в конце концов изглаживались из нашего сознания навсегда.

Однако человеческой памяти свойственно мудро отбирать самое сокровенное в бурном водовороте жизни и сохранять на веки вечные.

Как святыню ставропольцы берегут и любовно передают из поколения в поколение сказания о подвигах доблестных рыцарей социалистической революции, боровшихся за новый мир на земле.

Никогда не померкнет завидная слава красных партизан!

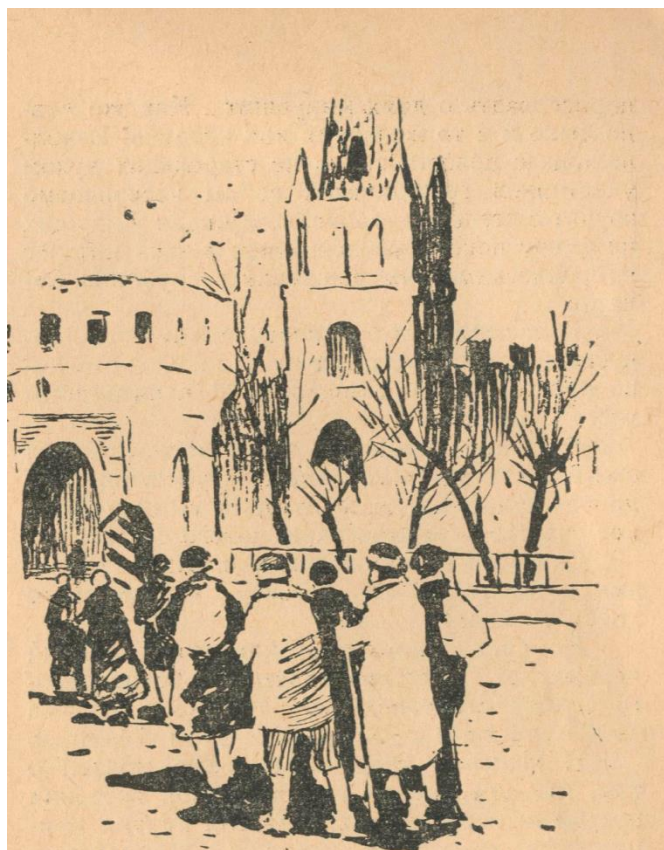
Это они, богатыри Октября, в дни смертельной опасности для молодой Советской республики встали грудью на защиту народовластия.

Более ста тысяч мужественных ставропольцев по зову сердца взяли оружие в свои мозолистые руки.

Бесстрашные отряды вели в бой за светлое будущее отважные витязи революции — Петр Ипатов, Иосиф Апанасенко, Константин Трунов, Иван Кочубей, Фома Шпак, Яков Балахонов, Василий Книга, Кирилл Рыльский...

И кого только ни били ставропольцы! Били они матерых белогвардейских генералов — Корнилова, Краснова, Каледина, Алексеева, Деникина, Шкуро, Мамонтова! Били англо-французских интервентов! Били маршала Пилсудского! Били барона Врангеля! Били батька Махно... Сыны степного края победоносно пронесли революционное красное знамя сквозь грозные годы!

На Ставрополье, пожалуй, нет такого города, станицы, села, аула, поселка, хутора, где бы ни отыскились бывалые воины, исколесившие всю страну в

легендарных боях и походах. Им есть что вспомнить, есть что порассказать о днях минувших... Как это давно было и в то же время как недавно! Взволнованные повествования не стареющих духом участников гражданской войны нескончаемо звучат в степной стороне, возбуждая у идущих на смену поколений неизменно живой интерес к героическим дням рождения республики Советов.

Воспоминания буденновцев, таманцев, кочубеевцев переносят нас в эпоху, когда лицо нашей Родины очищалось от капиталистической скверны...

Грозные годы! Как живо воскрешаются они в бесхитростных рассказах убежденных сединой людей, на долю которых выпало трудное счастье — зажечь зарю нового света.

Сказочно богата неувыдаемыми свершениями революционная история необозримого хлебного края!

Но среди множества памятных событий первых лет Советской власти особенно дорого сердцу ставропольцев одно — это встреча их земляков с Владимиром Ильичем Лениным.

И поныне Ставрополье полно молвой о том, как крестьяне Ставропольской губернии побывали в гостях у основателя

партии коммунистов, создателя Советского государства, самого великого из людей — Ленина. Такое не затеряется в веках...

В тридцатых годах мне довелось работать в Александровском уезде редактором политотдельской газеты Круглолесской МТС. Здесь я впервые услышал о том, что крестьяне Ставропольской губернии гостили у вождя пролетарской революции. В повседневном общении с колхозниками и колхозницами на собраниях и совещаниях, на полях и фермах, на пастбищах и в садах, на завалинках и в хатах в их рассказах передо мной раскрывалась незабываемая картина встречи Владимира Ильича Ленина с тружениками полей и величие поры становления Советской власти на Ставрополье...

2.

...Шел к концу тысяча девятьсот двадцатый год.

Время отсчитывало последние дни сентября. Осень уже вступила в свои права. Но это была еще не та докучливая осень, когда тоскливо хмурится небо, беспрестанно брызжет мелкий дождичек, а на сельской улице из грязи не вытянуть ног. Нет, памятный день выдался такой, каких мало на благодатном Северном Кавказе далее в золотую осень, которая приходится на сентябрь, считающийся здесь чуть ли не лучшим месяцем года.

Томузловская долина — в пестром убранстве, словно сама природа ревностно заботилась о красе большого уездного села Александровского, приютившегося на берегах шустрой речонки Томузловки. Тихий скоротечный дождик на рассвете умыл облик большого селения. Ласковое солнце, за лето растратив палящий жар, с утра раскинуло нежную сетку тягучих лучей над всей округой. Улыбчиво смотрели свежавыбеленные хаты, утопая в ярких красках садов. И деревья, окаймлявшие широкие улицы, радужно играли разноцветной листвой. Вертялая речонка, приняв в себя дождевые потоки, весело журчала по дну глубокой долины. Степные ветры унялись. Водворилась благодатная тишина. Тем временем на припеке по оцепившим село взгорьям и по обочинам уличных дорог зазеленели

молодые побеги разнотравья.

Ну, весна, да и только! Но нет, тут ошибки быть не может: природа точно ведет счет времени. И что положено сентябрю, то и есть: деревья уже сбрасывают пожелтевшие листья; по селу плывут серебристые нити трепетной паутины; в небесной выси курлычут журавли, спешащие с Севера в жаркие страны; в студеные утренники над хатами дымятся трубы, насыщая воздух запахом кизяка. Бабье лето!

Природа жила по своему извечному закону, чуждая человеческим тревогам, страстям, заботам. И если она отпустила на исходе сентября больше погожих дней, то, казалось, лишь для того она это сделала, чтобы своим языком выразить: «Люди, посмотрите, как хорош мир! Довольно гнета, крови... Стройте свою жизнь по-новому, и вы будете счастливы на своей земле».

А люди уже много пролили крови за право строить новый мир. И они хотят жить по-новому!

В тот сентябрьский день александровцы вышли на площадь, чтобы еще раз подтвердить эту готовность.

Село Александровское тех памятных дней было главным в большом уезде. К нему примыкало множество селений и хуторов центральной части Ставропольской губернии.

...Забегая несколько вперед, упомянем, что Александровскому уезду суждено было сыграть видную роль в разгроме белогвардейщины на Ставрополье. И вполне естественно, что в состав ставропольской крестьянской делегации, которую пригласил к себе в гости Ленин, вошли и александровцы. Их было двое — Иван Стефанович Черкашин и Варвара Фоминична Козлова.

Так вот этих-то своих делегатов и собрался сельский люд провожать в столицу.

Церковная площадь запружена сельчанами. Всполошилось все Александровское. И мал и стар вышли провожать своих выборных. Мужики и бабы в охотку слушали ораторов, произносивших зажигательные речи с балкона торгового дома купца Нечаева.

Иван Стефанович и Варвара Фоминична

тоже стояли на балконе. Перед их глазами мельтешили вперемешку малахай, шапки-ушанки, папахи, поношенные форменные казачьи картузы, буденовки, матросские бескозырки, солдатские фуражки, белые косынки. Над головами плавал иссиня-зеленоватый дымок от сигарок забористого доморощенного самосада. Площадь гудела, словно пчелиный улей в момент роения.

Посредине толпы стоял обоз в несколько десятков подвод, нагруженных мешками, ящиками, узлами...

Солнце уже высоко поднялось над землей, когда прощальный митинг только разгорелся и ему, казалось, и конца не предвиделось.

В ораторах нехватки не ощущалось. С напутственными речами выступили многочисленные представители: и от укома РКП (б), и от ревкома, и от упродкома, и от земотдела, и от комячейки, и от комбеда, и от комсомола, и от женотдела, и от потребительской кооперации, и от бедноты, и от середняков. То были жаркие речи. Запальчиво говорилось о больших делах революции. Над площадью гремели

слова клятвы, призывов, гнева. В них звучала беззаветная решимость. Эхо разносило по бескрайней степи думы, чаяния, надежды, переполнявшие хлеборобские сердца: «...Красная Москва и наш вождь Ленин в борьбе с врагами Советской власти могут смело надеяться на трудовое крестьянство Александровского уезда». — «Дадим хлеб голодающим рабочим! Спасем от голодной смерти детей Севера!» — «Какие бы когти ни выпускала международная контрреволюция, ей не задушить молодую Советскую республику. С Лениным мы победим!» — «Раздавим крымского гада — барона Врангеля! Умоется кровью и пан Пилсудский». — «Производительным трудом одолеем разруху!» — «Пошлем пролетариям хлеб — пусть куют сельскохозяйственный инвентарь!» —

«Иван Стефанович Черкашин и ты, Варвара Фоминична Козлова! Вы — избранники народа — едете уполномоченными от крестьян всего Александровского уезда в Москву. Передайте наши дары и низкий поклон Красной столице!

А посчастливится повидать самого Ленина—и ему наш пламенный привет и пожелание долгих лет жизни на страх врагам революции, на радость трудящимся!»—«В добрый путь!».

На балконе запели «Интернационал». Вся площадь подхватила:

...Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и не герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Широкую степную долину заполнил могучий гимн революции:

...Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты—никогда...

Долго раскатывались последние звуки «Интернационала», по большому селу, разлетаясь во все концы степи.

Площадь заколыхалась, зашумела людским говором, полетели вверх фуражки, шапки, замелькали поднятые над головой руки

прощальными взмахами,
— Дай бог добрую дорогу!

— Сердечный привет Ленину!

— Москве поклон!

Иван Стефанович и Варвара Фоминична сосредоточенно слушали напутствия земляков. Среди ораторов, одетых в легкие хромовые куртки и в суконные галифе с кожаными леями или в распахнутые серые шинели, они выделялись тем, что были в теплой крестьянской одежде. На Иване Стефановиче заношенный полушубок и шапка-треух. На Варваре Фоминичне ватный сак и шерстяная шаль. «Пар костей не ломит». Ехать-то ведь на Север. Когда еще попадешь в столицу. Да в Москве скоро покажутся «белые мухи». По утрам и в Александровском стужа чувствительно прижимает. Сегодня такой утренничек выдался после ночного дождя, что зуб на зуб не попадешь. А вот взошло солнце, и снова по-летнему тепло, хоть сбрасывай, шубу и сак.

С балкона Иван Стефанович всматривался в лица. Оживилось село, как на Михайлов день, в престольный праздник. На площади народа—видимо-невидимо. Здесь

крестьяне из многих сел: Александровского, Круглолесского, Нагутского, Сабли, Новоселицы, Журавки, Садового, Сергеевского. Мужчины привычно скопом теснились поближе к ораторам. Бабы держались поодаль отдельными настороженными стайками.

«Все люди хотят хорошей жизни,— размышлял про себя Иван Стефанович, слушая речи. — А какая она будет?»

Бросилось в глаза Ивану Стефановичу, что в тени деревьев особняком стояли, как бы стараясь быть незаметными, хмурые местные богатеи, «именитые» жители села: Гаврило Кургузов, Яков Кащенко, Ефим Давыдов, Михаил Минаков, Иван Чумаков. «У этих своя думка таится,— мелькнуло в голове Ивана Стефановича.— Да-а... Время теперь такое настало, что и богатству не возрадуешься».

И Варвара Фоминична шарила глазами по площади, будто хотела отыскать кого. «Боязливо жмутся бабы по куткам да задворкам,— тоскливо подумалось ей. — Все никак не осмелятся с мужиками вровень

стать. Ох, много воды утечет, пока темная да забитая наша сестра образумится».

— Ну, делегаты, пора и в путь, трогайте,— руководитель митинга пожал руки Черкашину и Козловой.

Под возгласы «В добрый путь!» Иван Стефанович и Варвара Фоминична с балкона пробирались к своей бричке.

Ораторы прильнули к балконным перилам и вместе с народом провожали избранников.

3.

Передняя бричка-тавричанка, над которой развевалось красное знамя с надписью «Ставропольский хлеб — Красной Москве!» стояла в нескольких шагах от дома Нечаева. На ней приготовлены места для делегатов. В бричку запряжены резвые гнедые мерины. Раскормленные для дальнего пути, они спокойно грызли удила, роняя пену изо рта, нетерпеливо били подкованными копытами о кремнистый «пяточок» мостовой близ церкви, порываясь на дорогу.

—Стоять! — строго прикрикнул на лошадей, влезая на бричку, благообразный мужик с окладистой бородой; на вид ему далеко за пятьдесят.

Это — Иван Стефанович. Он проворно выхватил у зазевавшегося подводчика вожжи и сильными руками натянул их как струны, умело сдерживая расходившихся меринков. Борода старика при этом распушилась, и он, одной рукой осаживая лошадей, другой прихорашивал бороду.

Подводчик Иван Самохвалов, рослый парубок в вылинявшей солдатской фуражке набекрень, из-под которой выбивался чуб, конфузливо отстранился, беспрекословно подчиняясь старику.

—Успеете наплясаться, соколики. Коней надо вот так держать,— назидательно сказал Иван Стефанович сочным баритоном, строго косясь на Ивана Самохвалова: «И доверят же такому лошадей!» — Вот погодите, вас еще укатают ставропольские горки да колдобины.

Та стойте же! Варваре Фоминичне дайте хоть сесть...

Кони, почувствовав властные руки, возбужденно всхрапывали, фыркали и ржали,

будто затевали переключку по всей площади. Им тотчас отвечали на разные голоса жеребцы и кобылицы.

Иван Самохвалов, неожиданно для себя оказавшись без вожжей, весь как-то сник, даже фуражку надвинул на глаза.

—Они как черти,— буркнул он в свое оправдание.— Разве с такими конями сладить. Выехать бы в степь — я бы им тогда показал...

А Варвара Фоминична, не дожидаясь успокоения ретивых коней, левой ногой пружинно коснулась ступицы колеса, а правую проворно занесла и, несмотря на свою дородность, ловко взобралась на бричку.

—Вот это лихо!—поощрительно произнес Иван Стефанович, а сам тем временем рукой суетливо прихлопывал и обминал солому, чтобы удобно было сидеть делегатке.— Ухватистые мне по душе...

Приготовив место рядом с собой для Варвары Фоминичны, старик снова принялся церемонно охорашивать свою бороду.

Варвара Фоминична про себя улыбнулась тому, с какой тщательностью Черкашин холил свою бороду. Правда, она и раньше знала, что как раз за это он получил на селе прозвище «Борода». Между прочим, она знала и то, что сельчане, называя Ивана Стефановича «Бородой», подразумевали под этим и другое — отдавали должное его солидной степенности и башковитости: «Иван Стефанович Черкашин умен как целая палата».

—За меня, Борода, не тревожься, не отстану, — улыбаясь, отозвалась она.

На полных щеках сорокалетней женщины углубились ямочки, молодившие ее белое лицо, еще не утратившее женской свежести и вместе с тем какой-то особенной миловидности русской степнячки. Ее большие серые глаза со спокойным любопытством смотрели на густую рыжеватую с проседью бороду, в дремучих зарослях которой едва виднелись щелки выцветших задумчивых глаз да широкий нос. Варвара Фоминична, очутившись лицом к лицу со стариком, близоруко уставилась в него, будто хотела получше разглядеть, с кем это судьба отправляет ее в

дальнюю дорогу.

— Без меня, Иван Стефанович, не ускачешь,— пристально и почти насмешливо смотря в глаза спутника, сказала Варвара Фоминична. — Так и знай: на скаку сигану в бричку или в вагон, а уж уеду... Доверием сельского схода надо дорожить!

— Святая истина! — кротко согласился Иван Стефанович, глубоко вздохнув.— Что про это и говорить. Полномочия у нас с тобой, Варвара, можно сказать, важнейшие. Святая истина... Много я послужил обществу на своем веку, а по такому делу впервые. Прямо душа как-то не на месте...

— Дело, известно, хлопотное, но, учти, и почетное,— поддакнула Варвара Фоминична.

Она примаскивалась, чтобы сесть поудобнее. С детства почему-то любила она густой запах дегтя, и ей приятно было почувствовать знакомый дегтярный дух, идущий от только что смазанных колес. Это привело ее в веселое настроение. Она оживленно, порывисто и громко добавила:

— Да ведь не боги горшки обжигают! И эту волю общества выполним.

Иван Стефанович неопределенно мотнул головой.

—С одной стороны, дело почетное, а с другой, оно и того... щекотное,— вполголоса пробормотал Борода, поправляя съехавшую на бок шлею на лошади.— Бог его знает, как все это обернется...

Варвара Фоминична недоуменно вздернула плечами. Улыбка погасла на ее вдруг постаревшем лице. Ей непонятна была какая-то неопределенная настороженность бородатого спутника. Солидный вид, борода с проседью, аккуратно надетые шапка-ушанка, шуба, дельный, сдержанный разговор, рассудительность — все это придавало Ивану Стефановичу что-то почетное, волнующее. И вдруг какое-то загадочное бормотание... Она же, наоборот, ясно себе представляла свою цель, и ничто не туманило ее сознание. Без оглядки отправлялась в путь...

4.

...Дочь сельского кузнеца Фомы Северского, Варвара, чуть ли не

единственная женщина из простых мужичек села знала грамоту. И жизнь Варвары сложилась так, что она острее многих других почувствовала всю горечь «бабьей доли».

Ее, мужичку, родители—люди иногороднего звания,— желая породниться с кем-нибудь из богатеев казачьего сословия, насильно выдали замуж за Антона Козлова. Молодцеватый на вид, но буйного нрава казак пренебрег сословными «приличиями» и бедностью Варвары, посватал иногороднюю, пышущую здоровьем, дивчину. Ни на какие пересуды не посмотрел своенравный жених. Уж очень дородна и пригожа была облюбованная невеста! Во всем селе не было красивее ее. Здоровая девка — кровь с молоком. Одно загляденье. У скольких парубков екало сердце. Оно и так рассудить: богатство — что? Дело наживное. А красоту где возьмешь, если природа ее не дала?

Черным днем жизни Варвары стал день свадьбы... Чужое подворье ей показалось погибельной каторгой. С ее приходом в семью немилого мужа тесть прогнал батрака: «Своих работников больше стало». Молодая невестка и дома и в степи не разгибала спину... Она должна была работать за себя и за прогнанного батрака, да еще и за мужа. Не будет же «состоятельный казак» возиться с черной работой... А у Антона были готовые житейские правила, переданные ему по наследству от отца и матери, от дедов и прадедов, которыми он неизменно руководствовался: мужья власть над женой — выше закона. С первых же дней Варвара познала свое удушливое бесправие. Мало того, что в алчной семье самая тяжелая работа была взвалена на ее плечи, ей строго-настроено не дозволялось ни на шаг отлучаться с «база». Другое дело муж. Ему только и заботы, что ходить в питейные заведения. А трактиров в Александровском было двадцать два... Постылый муж твердо знал свое: «Не верь коню в поле, а жене в доме». За непослушание — свирепый мордобой. Гордая Варвара не плакала с горя, только хмурила брови, крепче сжимала губы и молчала. Сошел с лица румянец, в уголках губ пролегли прежде-

временные морщины, в страдальчески прижмуренных глазах жила тоска. А это еще пуще злило пьяного казачину: «Молода жена годами, да стара нравом». И снова мордобой. Однажды, когда уж совсем невтерпеж стало, побежала Варвара к отцу и матери защиту искать. Ну, а те в один голос: «Муж да жена — одна сатана. Поживете дальше — приладитесь... Чего черт в болоте сидит? Смолоду привык!» Что делать? Опять вернулась к мужу. А свекровь точит сына: «Какой ты мне сын, какой семьянин! Жену ты не бьешь, молодую не учишь...»

Тяжка бабья участь на крестьянском дворе. А жить с «душегубом» — мука адская. В голову Варвары все назойливее лезла мысль удавиться. Казачина еще усерднее соблюдал наставления старших: «Бей жену к обеду, а к ужину опять, без боя за стол не сядь!»

И года Варвара не прожила на казачьем подворье. Самоубийству она предпочла другое: тайком сбежала от мужа, подалась в Баку. Среди рабочих она скоро нашла друзей, воспрянула духом. «Ни мужняя жена, ни вдова», она нашла в себе силы стать работницей, заглушить нестерпимую боль пережитого. На нефтепромыслах Варвара лучше узнала мир, у нее появились новые интересы. Здесь молодая работница наслышалась и про то, что царский режим не вечный...

В революцию потянуло домой. Теперь — другая жизнь! Отныне и в селах по закону Ленина будут жить люди. Советская власть уравнила в правах женщин с мужчинами во всех общественных и государственных делах. И в сельском обществе крестьянка имеет одинаковый голос с мужиком. Теперь и рождение дочери — не беда в семье; и на ее «душу» отмерят земли. Народная власть не даст в обиду женщин никому!

На родину Варвара вернулась в тревожные дни гражданской войны. Было что сказать ей, первой женделегатке, на сельских митингах о строительстве новой жизни, в которой не будет гнета, кабалы, эксплуатации. Горячо говорила о завоеванных правах женщин. Жгучими словами она клеймила ненавистных

паразитов-богатеев. Дни и ночи женделегатки проходили в трудах: она поднимала ярость у сельчан против белогвардейцев, рвавшихся на Ставрополье, чтобы в крови народной утопить Советскую власть, отнять у рабочих и крестьян большого степного края с такими жертвами добытую свободу.

— Кадюки несут нам кабалу, смерть,— твердила она. — Бейте белую погань! Наше счастье — в наших руках! Боритесь за свободу!

Кумачовая косынка на голове Варвары горела призывным факелом, освещавшим путь к счастливой женской доле.

Дни текли за днями. В те суровые годы время будто исчислялось памятными кампаниями, оно вроде обозначалось «неделями». «Неделя труда» сменялась «неделей помощи фронту». Кончилась «неделя помощи раненым» — началась «неделя ссыпки хлеба». Вслед за «неделей кузнеца» шла «неделя обсеменения полей семьям красноармейцев». «Неделя пахоты» сопровождала «неделе благоустройства села». И снова «неделя трудового фронта».

И во всех «неделях» кипела организаторская работа. Ни один шаг революционной власти не делался без участия женотдела. Варвара не жалела сил, не щадила себя.

В августе 1920 года по всей Ставропольской губернии была объявлена «неделя сухаря». Продукты, собранные в эту «неделю», предназначались для рабочих и детей столицы. Вскоре «неделя сухаря» переросла в «неделю помощи голодающему центру продуктами».

В Александровском уезде на эти «недели» много расходовали энергии комячейки, комсомол и особенно женотдел. Активисты собирали продовольствие. Варвара вместе с подводчиком комсомольцем Иваном Самохваловым ходили по дворам, призывали хозяев: «Ради спасения от голодной смерти детей сушите сухари и фрукты. У кого есть лишний бычок, кабан — жертвуйте голодающим! Готовьте подарки рабочим Севера!»

Радушно встречали делегатов в бедняцких дворах, пополам делились буханка хлеба, мешок картошки, а кое-где и чудом залежавшийся кусок сала. И середняки,

порой хмурясь, не отказывали в помощи «городским в нужде».

Иная картина на кулацких подворьях. Богатеи запирали дома на замки; прятались в садах от «голодранцев». Архип Дудкин — этот обошелся еще круче: спустил злющих собак с цепей, а сам ускакал в «особняк» — хутор, на свой, еще в столыпинские времена выделенный ему кулацкий участок.

Гаврило Кургузов, кулацкий заводила, осторожнее вел себя. Он чувствовал, что с него не сводит глаз уездная ЧК. Особенно после заварухи в 1918 году, когда под руководством этого самого Кургузова да эсеров и чиновников земства Громова и Гуторова мятежниками был захвачен Александровский арсенал и арестованы руководящие работники уездных органов Советской власти, в их числе и руководитель большевиков уезда Иван Войтик.

...Кургузовцы выбрали момент, когда отряд красных партизан во главе с Кириллом Рыльским оставил родное село Александровское и поспешил в Медвеженский уезд, чтобы общими силами принять бой с корниловскими бандами, рвавшимися через Ставрополье на Кубань.

В коварный замысел мятежников входила организация «варфоломеевской ночи» для уничтожения всех коммунистов. Сто двадцать человек были занесены в списки смертников.

Но замыслам врагов революции не суждено было сбыться. Занесенный над спиной александровских большевиков эсеровский нож был выбит из рук врагов Советской власти подоспевшими отрядами красных партизан из соседних сел.

Мятежники, убедившись, что за ними не пошло население, торопливо освободили посаженных в тюрьму, покаяться перед сельским обществом в своих грехах. Сколько выдержки и терпения проявила революционная власть в отношении к своим заклятым врагам! Тогда мятежники, явившись с повинной, были отпущены. Они на время скрылись с глаз долой, притаились в своих особняках.

Теперь кулаки «отдышались» и снова стали активизироваться втайне.

Гаврило Кургузов любезно встретил сбор-

щиков продуктов и сам без лишних слов вынес им чувал муки:

— Ставропольская крупчатка хорошая на блины... Пусть товарищи полакомятся.

И Яков Кашенко, дружок Кургузова, тоже не отказался помочь, но сопроводил это выражением лютой злобы:

— До яких же це пор голодранцы будут жить нашим потом? — Бычья шея Кашенко налилась кровью, когда он нес меру зерна.— Чи так всю жизнь и будемо работать на дармоедов? Вже, мабуть, некуда им девать лодырей, так они придумали коммунію. Ковтают наш хліб та в потолок плюють... Злобно бурчал и Иван Чумаков. Он из кожи лез вон, чтобы непременно, разбогатеть, тянулся в кулаки, водился с богатыми людьми, во всем старался подражать и угождать им. На призыв дать голодающим продукты он с горделиво-холуйским выражением в лице вторил толстосумам:

— Это ж невыносимо! Крестьянину нет жизни. Грабеж среди белого дня! Все отдай, а сам ложись и помирай...

Большинство же крестьян сочувственно отнеслось к благородному делу. За несколько дней был собран целый обоз продуктов. А когда пришло время отправлять в Красную Москву подарки, то на сельском сходе в сопровождающие была избрана от бедноты и батрачества Варвара Фоминична Козлова и от середняков — Иван Стефанович Черкашин.

5.

...Варвара Фоминична целиком захвачена-правым делом, с неистребимой верой в Советскую власть отдает всю душу народившемуся новому строю и без страха и сомнения стремится к цели. Потому-то ее и покоробили какие-то двусмысленные высказывания Бородача.

— Ну, волков бояться—в лес не ходить,— проговорила она, чтобы хоть что-нибудь сказать; она, казалось, чувствовала свое достоинство и в то же время подозревала, что Ивана Стефановича обуял страх перед сложностью миссии и необычайной дальностью дороги, в душе она даже удивилась робости Бороды: «Оно ведь от нас зависит, как с делом справиться».

— Волки, дорогая,— не самое страшное на свете, — задумчиво и как-то нехотя произнес он, видимо, не желая вступать в откровенный разговор.— А, да что там говорить!..

Кони, дугою выгнув лоснящиеся шеи, нервно переминались с ноги на ногу; они чутко настораживались, вскидывали головы и откликались, как только слышалось беспокойное ржание обозных лошадей. Они будто и в самом деле чувствовали, что остались считанные секунды, когда им будет дозволено припустить вскачь.

С балкона взмахом руки подан знак: «Трогай!»

Действительно, теперь уже никто и ничто не удерживало обоз. Можно было трогать в путь-дорогу.

— Ну, хватит, мужики, лясы точить, — взволнованно и громко выкрикнул Иван Стефанович.

Варвара Фоминична по-своему поняла энергичность Бороды: скорее себя бодрит, чем бойко берется делом править, но с удовольствием слушала его обращение к подводчикам.

— Уж пора, — распоряжался Борода. — Осенний день короток. Не на ночь же глядя выезжать со двора! Бери, хлопцы, вожжи, садись, погоняй коней.

При этом Иван Стефанович обернулся лицом к церкви, снял с головы шапку и, что-то бормоча себе под нос, размашисто перекрестился. Затем, прощальным взглядом окинув толпившихся крестьян, дернул вожжами, чмокнул и повернул коней на дорогу.

И другие подводчики проворно уселись на передки, удобно близ себя положив заряженные винтовки, поспешали не отстать.

Обоз потянулся по центральной Городской улице, запруженной собравшимися на митинг.

Передняя бричка вскоре поравнялась с поповским домом. Борода заметил всколыхнувшиеся гардины и боязливо мелькнувшую в окне рыжую гриву отца Михаила.

«В тревоге живет батюшка, — мелькнула мысль в голове Ивана Стефановича.— Все

живем в страхе божьем. Ах ты, господи Иисусе, помилуй ты нас грешных...»
С трудом обоз пробирался сквозь людской поток.
Иван Самохвалов скоро нашелся: стоя на коленях, он то и дело выкрикивал:
—Поберегись, а то под коня угодишь! С дороги!

Глава вторая. КУЛАКИ

1.

Хлебный обоз провожали сельчане до околицы села. По пути со всех сторон разноголосно выкрикивали:

—Посчастливится — Ленина повидайте!
—Передайте Ленину спасибо за землю и народную власть!
—Вертайтесь поскорее и с добрыми вестями!

Передняя бричка свернула с прямой и широкой Городской улицы в переулок, через который врывался в село степной ветер. Огромные кирпичные дома под железом в центре села остались позади. Теперь пошли кривые улицы и хаты под «черепком». На окраине виднелись беспорядочно поставленные мазанки, покрытые камышом или соломой.

Когда толпа заметно рассеялась, к бричке с развевающимся красным знаменем воровито протискались Яков Кащенко и Иван Чумаков. Они с обеих сторон обступили Борода.

И у них было что сказать отъезжающим.

Иван Стефанович сразу смекнул, что сейчас услышит такое, о чем на собраниях и митингах не говорят, но о чем непрерывно думают богатеи и о чем они только по темным углам между собой перешептываются.

— Не приведи господь, в такой час быть выборным общества, — издали завел будто сочувственный разговор Яков Кащенко, запуская палец за плотно облегающий жирную шею вышитый ворот рубахи; его глубоко посаженные бесцветные глаза на скуластом лице сторожко бегали по сторонам: «Не слишком ли наглядно для людей мое провожанье?» Он подобострастно оскалил крупные редкие

зубы в нарочитой улыбке и не спеша цедил слово за словом: — А дорога, шутка сказать, через всю державу. Зараз ехать — лиха натерпишься. Це вже так... Зато, правда, разговоров всяких наслухаешься. От одних ораторов нема спасения. Це ж яку голову треба иметь, шоб все речи запомнить?! Та ще ж и до Москвы довести... Га-га-га-га! — неестественно как-то гоготнул он. — Ну, да люди знают, Борода, твою голову. Палата ума! Довезешь...

— Что делать? Обществу не откажешь, — не глядя на собеседников, тихо проговорил Иван Стефанович, — Привычный я обществу служить... И такая уж жизнь: без митинга теперь ни одно дело не освятится.

—Любят большевики горло драть, — вставил Чумаков.

Заметил Иван Стефанович в толпе и богатея Кургузова. Тот надвинул на глаза картуз из черного сукна с коротким матерчатым козырьком и скромно смешался с людским потоком. «Уже на людях стал показываться. Хитрая штучка! Сам в тени, а дружков подослал с наказом. Его работа».

— Слухай сюда! — Кащенко не нравилось, что Борода так рассеянно его слушает; он украдкой скользнул глазами по развеваемому красному знамени, на мгновение задержал свой взгляд на призыве «Ставропольский хлеб — Красной Москве!» и вдруг как бы сробел. Но тут и он увидел Кургузова. Тот вместе с провожающими шагал как ни в чем не бывало, и это, видимо, придало Кащенко решимости. — Митинги нас не годуют, а разоряют... Так там и скажи тем, кто из них там постарше. Чуешь? Та и Ленин же ихний в том городе Москве проживает. Як шо повстречаешь того самого головного большака — и ему напрямик отрежь: крестьянина, мол, под корень подрубили... Хлеборобу никакой жизни нету от продразверстки!

— Да, обозлили товарищи мужиков продразверсткой, — согласился Борода. — Господи Иисусе, не введи нас во искушение, исцели нас грешных... У Кащенко глаза на лоб полезли от расправшей его злости.

—Уже восставали мужики в Курсавке, Нагутах, Калиновке... — напомнил он.— Поручила новая власть законы и веру... всю жизнь блюли божеский закон: не желай дома ближнего твоего, ни двора его, ни скота его, ни земли его... А зараз хозяйнует в наших домах голопуза шваль... Душа болит от грабировки! Яков Кащенко говорил все это только Ивану Стефановичу и лишь время от времени враждебно косился в сторону Варвары Фоминичны и Ивана Самохвалова.

— Какое же разорение от митингов, — запоздало удивился подводчик.— Разорение тогда, когда кулаки хлеб гноят в земле или в подполье ховают... У Минакова и Давыдова мы нашли сорок возов пшеницы!

— А ты, комсомолит, не каркай!» — рассерженно процедил Кащенко, косясь на винтовку.— Молоко вытри на губах... Смотри, голову не потеряй там, где хлеб найдешь...

Кони шли торопким шагом. Уже показался мост через Томузловку, а там и околица села.

Иван Чумаков поддержал дружка.

—Сколько было властей на селе, все брали хлеб в крестьянском амбаре, как в своем собственном,— заторопился он, спеша все высказать.— А войска сколько вокруг нас харчили и теперь еще кормятся!.. Только ангелы с неба не просят хлеба... Сил нету никаких терпеть грабировку! Весь мир кормить — самим не есть... Дожились: хлеборобов много, а работать некому. Сентябрь кончается, а озимки много ли посеяли? Каждый хозяин свою ниву может рядом прикрыть. А отчего? От беззакония... Паши не паши, сей не сей, коси не коси, молоти не молоти — конец один. Все под метлу идет в продразверстку... Откуда же интересу взяться хозяйновать?! Сам же видишь, с продразверсткой и крестьяне без хлеба насыдятся...

Кащенко бесцеремонно перебил Чумакова:

—Замовчи! Нечего зря молоть...

Иван Чумаков угодливо повиновался, сразу умолк, покорно отшатнулся от брички.

Яков Кащенко положил руку на колени

Ивана Стефановича и тем как бы дал ему понять, что хочет сказать что-то важное и такое, что не всякому можно высказать, но что глубоко лежит на душе тяжелым камнем.

—Слухай же сюда, Борода! — он склонился к Черкашину, в его глазах сверкнуло злое упрямство.— Ото, шо Иван зараз молот, то це юринда. Хлеб колысь отдамо. Самим его весь не зысты... Тильки яка ж це власть, когда одни голодранцы остались в Советах! Треба ж и хозяйновитых мужиков от власти не отлучать. А то ж одна голопуза шатия буде нами командувать... Хиба це дило? Та хай же рабочие нам плуги, жатки, косы, молотилки, мануфактуру, кожу, керосин, спички, мыло, соль, табак... Сам знаешь, шо треба в крестьянской жизни. Понял? Хай и нам дадут все для сельского обихода. И шоб ниякой коммунии! Хай не волнуют мужицкое сердце балачками про коммунию, як шо им хлеб потрибен... Та нехай же не забувають ще ось шо: без фабричной материи мужики проживут. Сами понапрядут и на штаны и на свитки. А без хлеба — каюк рабочим... Спытай там: интересно, мол, знать, чи буде когда-нибудь спокойная жизнь у хлеборобов?

Взгляды Кащенко и Бороды скрестились, но каждый думал о своем.

«Этот будет похитрее Дудкина,— размышлял про себя Иван Стефанович. — Хотя и у этого кипит лютая злоба против новой власти... Да, тяжелые времена пришли для столыпинских князьков. Только вражда поможет им как покойнику кадило».

Оглядевшись вокруг, себя, Кащенко перешел на шепот:

—Чуешь? Без хлеба насущного ни одна власть долго не продержится. А той власти, яка против крестьянской воли, нашего хлеба не исты... Тоди нехай соби цилуется з своєю коммуниєю. Ничего. — Он злорадно гоготнул.— Га-га-га... Скажена собака и та перед хлебом на дыбки становится. Смирятся и голодранцы... Ось побачишь! Це правду я тобі кажу. А ты там скажи, як шо доберешься то Москвы... По селам кой-де вже люди поднимаются, ловят комбедчиков... Продразверстка людей

допекла!

Около моста Иван Стефанович придержал коней, чтобы в конце села дать подтянуться обозу.

—Правду не утаю ни от кого! — с неожиданной решительностью заявил Борода, ноздри оттопырились и побелели, как всегда, когда его что-нибудь раздражало. — Ни на что не посмотрю, всю правду выскажу московскому начальству. А пошлет бог с Лениным повстречаться — и ему не промолчу. Пусть будет что будет... Коммуния не одному тебе не по душе. И продразверстка у всех уже в печенках... Как же молчать!

Борода украдкой скосил взгляд на Варвару Фоминичну, которая неодобрительно покачала головой.

—В селе об этом был бы напрасный разговор,—не унимался Борода.—А в Москве— сам бог велел...

«Темные какие-то разговоры, — Иван Самосвалов не мог примириться с враждебной вылазкой кулаков.— Так если хлеб по селам не заготовлять, то что же города будут есть? Бульжник? А из городов идет культура, свет... Там пролетариат революцию начал, за свободу борется. Надо же рабочим помогать!»

Комсомолец Иван Самохвалов горд тем, что и он собирает хлеб для городов, борется за Советскую власть. Он гневно посмотрел на Кащенко и Чумакова, но промолчал: постарше его ведут обоз.

— Тогда с богом! — Яков Кащенко поощрительно похлопал рукой по колену Бороды, презрительно глядя на подводчика и делегатку. — Смелее там будь. Як шо... то до самого Ленина пробивайся. За ним же главное слово во всех делах. Яка у него думка про дальнейшую жизнь крестьянскую? Буде ли поважение от новой власти людям, яки не хотят будь голодранцами? Людям с головой и вдальми руками? А де не пуста башка и проворные руки, там и богатство... Шо вин скаже про це? Та, говорю тебе, смелее Борода! — и снова так же неестественно загоготал и тем помимо своей воли выдал свою неукротимую злобу против молодой республики. — Га-га-га-та... Понял? Смелость города берет!

«Хитрая тварь, — заключил Борода.— Думает, я его не раскусил. А сам Советскую власть любит, как волк овцу. Других науськивает, а свою голову в кустах держит. Тоже хочет на чужом тарантасе в рай въехать... И без тебя знаю, как и что мне говорить».

Иван Стефанович осанисто задвигался, будто хотел поудобнее сесть. Его задели слова Кащенко насчет боязни.

— Это кто же боится? Я, что ли? — вздущиеся ноздри Бороды побелели.

— Ну да,— подтвердил Кащенко.

— Да чего же мне бояться?

— Как это чего? Своя рубашка ближе к телу.

— Нечего мне бояться! — храбрился Борода.— И я не скрываю, что не все мне любо при Советской власти. Про то и скажу... Смелости мне не занимать. Пусть что будет. Жить мне осталось недолго. А два века никому не дано. Все равно... Раз уж сход избрал, то все как есть начистоту выскажу. А там как знают, так пусть и судят. И расстрела не побоюсь...

Эта невольная ретивость не только не смутила Бороду, а, наоборот, только возвеличила его в своих глазах: «Нашел кого пугать!» Борода обычно спокоен, вдумчив, даже уступчив, но стоит только задеть его, как говорится, за живое, уж он умеет постоять за себя.

—По-за углами не буду языком ляскать, а прямо в глаза где надо скажу!

«А вы и шкодливые, и трусливые, — не высказал он вслух свое заключение.— Значит, неправые думки в голове!»

Юный подводчик недоуменно взглянул на Ивана Стефановича: серьезно он говорит все это или шутит?

Варвара Фоминична до этой поры сидела молча. Она подперла сильной рукой свое красивое, высоколобое лицо. К ней никто не обращался, от нее никто не требовал ответов. Разговор шел так, словно ее тут вовсе и не было. Она, соблюдая «нейтралитет», не вмешивалась в «мужскую беседу», но внимательно слушала все. Собеседники и не видели, как досадливо сузились ее от природы кроткие глаза, как строго сжались губы, как озабоченно нахмурился лоб. Сердце ее

наливалось гневом... Теперь лицо у нее сердитое. Такое у нее бывает оно всегда, когда затевается скандал.

— Уж если Советская власть нехорошая, то какую еще и желать трудящимся людям! — всплыла она с чисто женской откровенностью. — Как будто кто их силком в коммуны гонит! Было же сказано Лениным ясно: по своей воле... Так нет же! Ишь, чего боятся... Это же ваш приятель помещик Соколов добивается, чтобы сразу и беспрерывно по всей

губернии в каждом селе коммуны были. Хитрый вражина! Это он предлагал всех крестьян сгонять в коммуны... Так он же чистая контра!

Злые глаза Кащенко вытаращились на делегатку; его жирная шея налилась кровью и стала краснее вышитого воротника косоворотки, который будто вдруг сделался нестерпимо тесным; он тяжело мотнул головой, на манер того, как это делает вол, порываясь высвободить холку из ярма. Потом с удивлением посмотрел на Варвару Фоминичну, будто только сейчас ее заметил, да так, как, должно быть, смотрит баран на новые ворота; его лицо выражало примерно следующее: «А ты не встречай, когда балакают мужики. Не бабьего ума это дело. Распустилась!»

— Бабы умы разоряют дома, — сквозь зубы вслух процедил Кащенко. — У бабы: только волос долгий, а ум короткий. Та хоба тоби, Варвара, зрозумить, куды большаки повертают... Ось побачишь: выгребут весь хлиб до зерна з амбаров наших, а тоди и скажут: «Айда, селяне, в коммунию, кто хочет живым быть». Ото ж вони для того и продразверстку придумали...

Яков Кащенко побагровел от ярости, на его толстых губах скользнула недобрая улыбка. А Иван Самохвалов широко раскрытыми глазами смотрел на богатея: какой враг Советской власти! Вот о ком следует поговорить на собрании комсомольской ячейки!

Варвара Фоминична вся встрепенулась, лицо разгневанно разругалось.

— Как будто вам повылазило! — всплеснула она руками. — Словно

большевики для своей выгоды, берут хлеб... Война ж идет! Про Врангеля — чтоб его черти на рога поддели! — забыли? Как будто польские паны не зарятся на нашу землю? Хлеб Красной Армии нужен. И рабочим. Они же делают оружие и патроны, всякую материю для войска... А дети по городам что будут есть? На Севере люди умирают с голоду... Как же не заготавливать

хлеб?! А вы все про свою мощну думаете и страдаете... Ишь ты — власть им не нравится! Все бы вам жиреть да властвовать... Нет уж, кончилась ваша масленица! Советская власть заставит себя уважать!

— Не таракти! — лицо Кащенко болезненно скривилось. — Не твоего ума это дело.

Поспешно прощаясь с Иваном Стефановичем, Яков Кащенко всем своим видом дал понять, что он не намерен слушать «бабы балачки» и не желает зря тратить время на всякие «байки голодранцев».

— Скачет баба задом и передом, а дело идет своим чередом, — с угодливой усмешкой вставил Иван Чумаков, он рад стараться перед приятелем. — Баба бредит, да кто ей верит?

Иван Чумаков громче всех дурашливо загоготал, поспешая за Кащенко.

— Це правда, — поддержал своего дружка Яков Кащенко и, обернувшись к бричке, выкрикнул: — На тебя, Борода, вся надия... Счастливой дороги!

— Бороду Варвара не запугает, — уверенно сказал Чумаков, поравнявшись с

Кашенко. — Он не падкий на вертихвосток... Самостоятельная хозяйка красную косынку не напялит на голову. Порядочную бабу на собрания не затынешь... Бороду ей не сбить с толку... Варвара Фоминична проводила злобствующих богатеев презрительным взглядом.

— Новая жизнь кулакам не по нутру,— гневно буркнула она им вслед; делегатка говорила, видимо, с расчетом, чтобы ее слова услышали женщины, особой группкой стоявшие около палисадника крайней хаты; они внимательно следили за перепалкой и о чем-то перешептывались между собой. — Таким живоглотам только дай волю, в бараний рог хоть кого согнут...

— Дай бог покой да хлеб святой, — примирительно проговорил Иван Стефанович, а сам будто кого искал глазами среди провожающих, потом взмахом руки подозвал своего старшего тридцатилетнего сына Павла.

2.

Прошедшую ночь Борода спал не раздеваясь, еще с вечера собрался в дальнюю дорогу, допоздна читал газеты. А чуть свет вышел во двор. Разные мысли одолевали старика. Вот хату бы починить надо: один угол почему-то осел, местами черепица полопалась, крыльцо разъехалось. Теперь ни леса, ни черепка, ни гвоздей не купишь... А как двор зарос лебедой да крапивой! Когда была пара лошадей да пара волов и посева шесть калмыцких десятин, тогда во дворе и травинке тесно было расти. Теперь остался один меринок. Заслышав хозяина, Кремень — низкорослый крепыш с кудрявившейся шерстью гнедой масти — звонко заржал. «Пить, должно, хочет». Зачерпнул Борода из бочки ведро воды. Конек окунул губы в ведро, поводя лиловым глазом на Ивана Стефановича. А когда хозяин погладил его шею, то Кремень разнежился и лизнул крупную жилистую руку...

И цепной пес Желтик вылез из конуры и бросился под ноги хозяину; покатываясь на спине, он лапами обнимал порыжелые голенища сапог, повизгивал от удовольствия, что видит того, кому верно служит.

Корова Зойка призывно промычала. Хозяин бросил ей охапку сена, но та не стала есть, а долгим взглядом грустных глаз посмотрела на старика, сегодня какого-то непривычно медлительного и задумчивого. Посередине двора стоит старая бричка, с нее еще не снят двухлемешный буккер и железная борона; лемеха и зубья уже успели покрыться ржавчиной. Недолго им пришлось эту осень блистать: посеял Иван Стефанович две десятины. Этой осенью пахал землю с соседом в паре. Как люди, так и он...

Прошелся по саду. Яблони, груши, абрикосы, сливы, вишни, кусты винограда, уже освобожденные от плодов, лепетали что-то свое разноцветной листвой. На кудрявой шелковице расчирикались проснувшиеся воробы. Много сил, любви я ума вложил хозяин, чтобы вырос этот сад. Вслед за Бородой захотелось и соседям его вот так же обзавестись садами, и они приохотились к садоводству и виноградарству. Через то и улицу свою прозвали Виноградной. Высоченные вербы склонили свои ветви над крохотной речонкой Горькой, в которую усадьба упирается огородом. Тихо и мирно журчит взбаламученная ночным дождем вода. Течет она многие годы и будет течь нескончаемо. А человеческая жизнь коротка...

Затосковал Борода, оглядывая подворье, где родился и вырос, где прошла жизнь, где были и радость и горе... Быстрее молнии мелькнула в возбужденной голове Ивана Стефановича новая мысль, какая еще ни разу не приходила ему раньше в голову: будто он прощается навсегда с родным кровом и будто все живое здесь это понимает.

Тяжелой поступью вернулся в дом. Жена Феодосия Стефановна тяжелой болезнью прикована к постели на широкой деревянной кровати. С проклятой водяной совсем обезножила. Что поделаешь? Доктора живут по городам. Да и деньги большие нужны за лечение...

— Ну, так я того... еду, мать, — сказал он жене и дотронулся рукой до ее плеча; посмотрел на ее одутловатое серое лицо с потухающими глазами. — Крепись, Феня... Много напастей всяких на людей... Всей

душой рад тебя видеть здоровой, хоть когда
возвернусь...

Он, словно в чем-то виноватый, избегал ее
прямого взгляда. Смотрел на серый квадрат
на белой стене: место, которое занимал
когда-то портрет царя, выделялось. Пере-
водил взгляд с одной картины на другую:
Киево-Печерская лавра, Святогорский
монастырь, взятие русскими турецкой
крепости... иконостас... В горнице висела
керосиновая лампа-молния. На простенке
между окнами — ходики с гириями в виде
сосновых шишек... Полка с книгами...

У изголовья матери стояли сыны — Павел,
Федор, Андрей... Восемнадцать детей
народила. Феодосия Стефановна.

Она шевельнула головой.

— Смерть, отец, свою чую, —
проговорила она слабеющим голосом,
тяжело дыша; ввалившиеся глаза ее залили
слезы.— Эх ты, горе наше... Как батюшка
Михаил сказал, так и есть. Антихрист
появился... Ходит он яко тать в ночи и
глумится над христианскими душами... Вот
безбожье по городам до чего довело людей:
все войны да войны... Конец света
подходит. Оттого и болезнь моя... Я-то хоть
на отцовской земле... А ты куда везешь
свою голову? В чужие города... Худо тебе
будет. Не ездил бы, Иванушка, хоть пока я
определьюсь...

— Обществу перечить мне не
пристало,— сказал Иван Стефанович и
слезу смахнул рукавом; голос его звучал
устало и печально... Сыны взрослые...
Отчего нам с тобой горевать! Павло будет
править... Ты спокойно лежи, здоровья
набирайся... А я скоро смотаюсь в Москву
— и ко двору мигом возвернусь... Оно,
может, и жизнь к лучшему повернет... Ну,
прощевайте!

Феня посмотрела на мужа прощально-
ласково и изменившимся голосом
добавила:

—Чую свой конец... Скорее же
возвращайся...

Иван Стефанович прикоснулся губами ко
лбу своей Фени. Нестерпимая душевная
боль торопила его из дому. Он ушел, не
сказав всего, что следовало бы в таком
случае сказать...

...А теперь вот еще раз Борода подозвал

подвернувшегося на глаза старшего сына.
Молодцеватый, рослый и стройный, вышел
наследник. Павел вернулся с германской
войны с четырьмя крестами — полный
георгиевский кавалер. Власть определила
его надзирателем тюрьмы. За щекотливое
дело сын взялся. Но пока бог миловал...
Хотя власти часто менялись, Павел ловко
приспособился к своей должности. Только
это красные взойдут на круглолесский
курган — он раскроет камеры и
повыпустит арестованных белыми. Потом
белые отвоюют село — он освободит из
тюрьмы арестованных красными. И
получалось так, что Павла не трогали ни
красные, ни белые...

— Стало быть, Павло, еду я, — произнес
он, когда сын с опущенной головой
приблизился к бричке; теперь он
дрогнувшим голосом говорил то, что при
жене язык не поворачивался сказать. —
Мать никуда негожая, вся водой налилась.
Уже сколько пластом лежит. И одному богу
ведомо, подыметесь ли. Водянка — болезнь
неизлечимая. Присматривай за матерью,
слушай ее и хозяйство веди. И про то
помни, что путь мой далекий, а кругом идет
война. В дороге все может случиться...
Мало ли банд появилось. Да и стар я. В
свой разум входи. Тебе хозяйством
править.

Павел все это хорошо и сам понимал.
Слушая отца, он, не поднимая головы,
рассеянно смотрел по сторонам.

Помолчали.

Солнце все сильнее припекало. Дорога
подсохла, будто дождя и не было. Варвара
Фоминична сбросила на плечи шаль,
поправила съехавшую кумачовую косынку
на тугом узле русских волос.

Ее смешили страхи спутника.

— Будто на войну отправляешься,
Иван Стефанович, — весело нарушила она
неловкое молчание, когда отец и сын
исчерпали разговор, — Ничего не случится
до самой смерти. Хлеб везем! С таким
грузом нас везде хорошо встретят.

— Скорее возвращайся, — Павел
повторил, материны слова. — И за домом
не горюй. Все будет как есть.

3.

К Варваре Фоминичне смело подскочила

молодайка. Она отделилась от группы о чем-то судачивших женщин. Ее, похоже, подослали бабы, собравшиеся около палисадника.

— Ты ж там, тетка Варвара, все дочиста разузнай,— затараторила она, без нужды потуже затягивая на подбородке узелок белой косынки. — Верно ли, что церкви совсем закроются? И правда, что будут детей отбирать у родных родителей? Бабы боятся, а что как правда, антихрист родился... Будто это он смуты по городам и селам затевает... Да вот еще про что дознайся: на какую пору назначена проверка сундуков? Всю ли одежду будут забирать? И непременно дознайся и про то, какое выйдет наказание, если кто в коммунию не пожелает? Сама знаешь, на селе всякое говорят. От этих разговоров вся душа изболелась. А это, может статья, и напраслина, какой много бывает на свете... Так вот ты и выведай там, в центре, как оно будет на самом деле. Кому верить?

— А ты Советской власти верь! — убежденно ответила Варвара Фоминична. — Советская власть не даст в обиду. Кулацкие брехни не слушай. Тем временем обоз подтянулся. Подводчики громко и весело перебрасывались словами с односельчанами:

- Готовьте, бабы, еще харчи...
- Эти-то сухари не помните!
- Доставим чин чином!
- Возить вам не перевозить...
- Было бы что!
- В Ставрополе не загуляйте!
- С городскими оно сподручнее водиться...

Передняя бричка, все еще управляемая Иваном Стефановичем, въехала на бревенчатый мост, погрохотала по нему и покатила в лощину, через которую пролегла дорога на Ставрополь. Подводы одна за другой взбегали: на мост, и дробное грохотанье сливалось в непрерывный гул, эхом раскатывавшийся по всей округе. Только когда «голова» обоза достигла: окраины села, гул вдруг оборвался: «хвост» проскочил мост.

— Ну, кони не выдадут, враги не съедят, — сказал Иван Стефанович тоном человека, который скорее себя бодрит, чем

высказывает свою небоязливость, и хлестнул меринов вожжами, а те, почуяв волю, поскакали во всю свою конскую прыть.

4.

На окраине села за обозом увязалась целая свора лохматых собак. Пробежав с версту, они ни с того ни с сего загрызлись между собой. А те, что увлеклись преследованием, забежали далеко, вволю наглопались пыли, раскашлялись, высунув языки, отстали одна за другой.

«Вот чего поразвелось — собак, — подумал Иван Стефанович. — В скольких дворах по пятку, не меньше. На черта их столько держать! Прокормить такую ораву...»

Едва обоз оторвался от села, как снова донесся от моста знакомый грохот. Слышно: скачет верховой. Спустя несколько секунд, Иван Стефанович расслышал характерный топот бегущей галопом и играющей селезенкой лошади. Обернувшись, увидел и всадника. В нем легко было узнать Архипа Дудкина. Того самого, который спустил с цепи собак, когда активисты собирали по дворам продукты. Огромного роста, невероятной физической силы, Архип славился тем, что за один присест съедал годовалого валушка и выпивал казенную четверть водки. Обжора на весь уезд. И сейчас он скакал, держа рукой на отлете за горлышко начатую четверть взболтанной жидкости цвета томузловской воды после ливня.

Опередив обоз, Архип остановил разгоряченного жеребца вороной масти. Под тяжелой, ношей и от быстрой езды взмокшел жеребец, часто поводил лоснящимися боками.

Тучный верзила Дудкин — и сам как жеребец стоялый — демонстративно одной рукой поднял четверть над головой, присосался к горлышку,пил самогонку полными глотками, отчаянно работая выдавшимся вперед кадыком.

Иван Самохвалов с ужасом наблюдал, как убавлялась самогонка в четверти.

«Ну, верблюд, а не человек», — насторожился Иван Стефанович.

— Все провожали, а я перебрался на свой хутор в особняк—вот и опоздал,— пьяно

орал во всю грудь Архип; голос его хрипел от перепоя, крупное веснушчатое лицо обливалось маслянистым потом. — В Москву с хлебом тащитесь? Ну-ну. А вот дудкинского хлеба коммунистам не есть! Ха-ха! Не видать в Москве моего хлебца... Что, голодает столица? А-а-а... Как хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и на хуторе рай... Ха-ха! Хлеб, выходит, за брюхом не ходит... Погнуою все до зерна, а не дам ни одного чувала городским лежебокам! Много теперь развелось охотников чужим хлебом жить... И еще новость какая: моим хлебом кормить бедноту и солдаток... Много вас найдется командовать чужим добром! Пусть сами вырастят и едят!

Обоз безостановочно шел своей дорогой. Лошади с рыси перешли на вялый шаг. Дудкин держался обочины, чтобы быть рядом с Иваном Стефановичем.

«Тоскует Архип по своему участку, — подумалось Бороде. — Сто десятин — добрый шматок... Бешеный как зверь какой. Ему мало как всем... В конце концов дадут ему земли три аршина... Тогда успокоится. А так ничего ему не поможет... И как бы ни пошла жизнь дальше, а прошлого уже не вернешь...»

— Расскажи, Борода, в Москве, как мы живем, — опухшее от пьянства лицо Архипа серо, тупой взгляд осоловелых глаз его направлен на Ивана Стефановича; верзила гремел во всю глотку. — Как? Весело живем! Хлебом сыты, хлебом и пьяны, — он помахал четвертью над головой. — У кого хлеб, у того и сила. Пусть голодранцы не становятся поперек дороги исправным хозяевам...

Иван Стефанович молча слушал Архипа и неопределенно покачивал головой.

«Пьяный, какой разговорчивый, — подумал он. — Мели, Емеля...»

Как на диковинное чудовище уставилась на Дудкина возмущенная Варвара Фоминична. Сколько было гнева в ее взгляде!

«Вот уж настоящий пентюх, — подумала она. — Этого никакими словами не направишь на путь истины. Разве это человек? Волчище!»

Она, возможно, чтобы отвлечь себя от бреда пьяного Архипа, достала из-за борта

сака пачку исписанных бумаг и, поднося их очень близко к глазам, по-близорукому, читала.

Верховой не удостоил ее своим вниманием. Он снова припал к горлышку четверти, еще отпил мутной жидкости.

«В трезвом виде все молчит да посапывает, как паровик, — подумал Иван Стефанович; побелевшие ноздри его вздулись. — На сходе, бывало, и полслова от него не услышишь. А уж как нальется самогоном — тут и понесет его, только держись... Глуповатый живоглот».

— Ты ж смотри не продайся там! — угрожающе бушевал Архип Дудкин, как обычно во хмелю окончательно утративший осторожность. — Тебе ведь домой доведется возвратиться. А? То-то же. Провожает обоз Советская власть, а еще не известно, какая встречать будет... А то, может быть, и с тобой случится, как с председателем комбеда Печурковым... Врангель уже в Донбассе, вот-вот и на черноморском берегу выгрузится. А оттуда до нас рукой подать... Польша добре жмет со своей стороны... Задохнется коммуня!

— Все под богом ходим, — отозвался Иван Стефанович.

«Ишь ты, как Кургузов расставил свои силы, — догадался Борода, подавляя свой гнев. — Значит, вражина не раскаялся, за свое дело принял снова. Архип Дудкин определенно его слова повторяет. Самому ему не сварить... О-хо-хо!»

— И Врангелю накладем, как Деникину! — озорно выкрикнул Иван Самохвалов. — Англичан, французов били, а Польшу и подавно...

— А ты, щенок, не гавкай! — взревел Дудкин. — Уж не у вас ли, комсомолистов, есть такая сила! Сосунки... Вашей шатии еще достанется...

Архип Дудкин «излил душу» и повернул отдышавшегося жеребца в обратном направлении. Опять поднял над головой четверть с плескающейся на дне самогонкой и, держа ее как атаман булаву, пропустил в село мимо продолжавшего свой путь обоза.

«Самое страшное, если бы вот такие волчищи стали править на селе, — удрученно рассуждала про себя Варвара Фоминична.

— Тогда не видать нам Советской власти...
Не будет этого!»

Вслед Архипу неслось с подвод:

— Бешеный какой!

— Как перед смертью...

— Туда ему и дорога...

— Ой, Архип! — предостерегающе выкрикнул подводчик со второй брички, худощавый, с морщинистым лицом, вернувшийся с турецкого фронта раненым, но несмотря на это активно работающий в комбедо Григорий Колесников, ехавший на крепких лошадях из помещичьей конюшни, которых ему дал сельский комбед. — Коня на вожжах удержишь, а слетевшего слова с языка не возвернешь... Доберутся до тебя, кургузовский прихвостень! Пожалее Архип башку свою дурацкую, да поздновато будет... Вольному воля, спасенному рай...

— С минуту еще был слышен удаляющийся топот жеребца с играющей селезенкой.

5.

— А Иван Самохвалов все смотрел на Бороду и не знал, что думать. Почему Иван Стефанович не возмутился, когда Кащенко и Чумаков «брали его на пушку»? И Архипу Дудке ничего не возразил. Может быть, у Бороды душа в пятки ушла? Что-то не похоже. Выхваляется, что и расстрела не побоится... А контра у него на глазах орудует, так он вроде даже соглашается! Василий Широкий — уж тот бы не смолчал. Комсомольский секретарь дал бы кулацкой сволочи пить! Счастье Дудаки, что здесь один он, Иван Самохвалов, комсомолец. Было бы их в обозе больше — спутали бы Архипа, ссадили с жеребца...

— Чего же вы не сказали Дудке пару теплых слов? — обратился к Бороде Иван. — Он же контрреволюцию разводил! И сами все бога поминаете...

— Молод еще, Ваня, учить старика, — не сразу ответил Борода. — В молодости и я горячий был... Поживешь — и ты веру наживешь. А скандалы затевать с Кащенко или Дудкой мне ни к чему.

Варвара Фоминична, рассматривая бумаги, досадливо мотнула головой, причмокнула языком, но промолчала.

Борода только сейчас разглядел, что его спутница пересматривает отношения в губернские организации и опись собранных подарков.

«И доверят же бабе такие важные документы, — сердито наблюдал он, как Варвара Фоминична снова вкладывала бумаги в карман под бортом сака.

Глава третья

РАЗДУМЬЕ

1.

Кому в стародавние времена случалось перебираться из России на Кавказ, тот не мог миновать село Александровское. Через него шел главный почтовый тракт до самой Военно-Грузинской дороги. А губернский город Ставрополь в ту далекую пору для едущих, скажем, из Петербурга в Пятигорск или в Тифлис являлся как бы центральными «воротами Кавказа». Между Ставрополем и Пятигорском, как раз на полпути, и стоит село Александровское. Разметнулось оно по обеим сторонам «Кавказского шляха», в живописной Томузловской долине...

У села Александровского любопытная история. Возникло оно в 1777 году на Азово-Моздокской линии в качестве одной из ее крепостей, названной Александровской. Перво-наперво здесь поселился Хоперский казачий полк. Были и волжские казаки. Быстро вокруг крепости образовалась целая станица, принявшая ее имя. Буйно разрастался новый населенный пункт на торном державном большаке.

Вскоре, уже в 1785 году, станица была удостоена звания уездного города Кавказской области. Но потом, лет через пятьдесят, случилось так, что из Александровска уездные ведомства были переведены в поднявшийся к тому времени город Пятигорск. С тех дней Александровск превратился в «заштатный» город Ставропольской губернии.

А несколькими годами позже Николаю I зачем-то понадобилось проезжать через поприглохший Александровск.

«Верноподданные» не выразили радости по поводу того, что их «осчастливил» своим посещением «царь—у бога пристав». Жители заштатного города, недовольные

переводом уезда в Пятигорск, с прохладцей приняли «монарха всея Руси». Эта «дерзостная выходка» не осталась безнаказанной: император во гневе повелел город Александровск снова именовать станицей...

Войсковое начальство в свою очередь решило отличиться в угоду царю: вздумало ликвидировать «осиное гнездо», приказало хоперцам переселиться с первой на вторую линию, где-то там на Кубани. В наказание переселенцам было отказано в возмещении убытков за потерю насиженных мест (усадеб, хат, садов). И ни копейки подъемных. Хоперцы воспротивились приказу начальства. «Господа старики» сочинили слезное прошение на высочайшее имя и послали ходоков.

Николай I не принял ходоков, а повелел царским указом: александровских казаков из Петербурга отправить по этапу в Ставрополь, чтобы местные власти достойно выпороли «супротивленцев».

Вернувшиеся на родину станичные посланцы с месяц не могли садиться...

А затем уж «неблагомыслящую» станицу передали в гражданское ведомство, и она получила название села. Казачьи бунты — а они трижды вспыхивали — так и не помогли вернуть большому селению былых званий: ни уездного города, ни станицы. С тех пор и поныне Александровское местные жители и население соседних сел и хуторов называют по-всякому: и селом, и станицей, и городом. И любое из этих наименований принимается как вполне подходящее.

Как бы там ни было, а Иван Стефанович любил Александровское. Да и кто не любит родное село... В нем он родился, вырос, состарился. Вся жизнь протекла в Томузловской долине. Здесь его родина! И он с гордостью думает о ней. Прадед его одним из первых мужиков поселился на «Кавказском шляху», зачиная первую улицу будущей станицы. Сюда перебрался далекий предок, покинув навсегда густо заселенную Воронежскую землю. Оттуда, из центральной Руси, помещичий гнет, малоземелье и нужда гнали земледельцев в необжитые еще тогда вольготные степные просторы юга. Вольнолюбивые трудяги с

оружием в руках обороняя землю русскую от «супостатов», деревянными сохами взрывали вековой целинный пласт... И отец Бороды скоротал тут всю свою жизнь. На Александровской земле покоится прах родительский...

2.

Борода, отъехав подальше от села, передал вожжи Ивану Самохвалову. Тот озорно гикнул, присвистнул кнутом, и гнедые снова ошалело всполошились, понеслись размашистой рысью. Бричка-тавричанка со звонкими тарелками на ступицах затейливо раскокалась. Красное знамя шумливо заплескалось по ветру.

— У меня не задремлют, — расхвастался Иван, надвинув поглубже фуражку и прижимая к боку винтовку. — Мигом домчим в Ставрополь!

— Ну ты, хлопец, полегче джигитуй! — охладила лихача Варвара Фоминична. — Не забывай: сто верст впереди.

«Будто так уж далеко — сто верст! — мысленно огрызнулся Иван. — Да тут пешком ходу всего только два дня. Измерено своими ногами».

А вслух сказал:

— Сто верст, тетя Варя, на таких конях как в сказке промчим. Это что? Меня и Ваську Широкого недавно в губком комсомола на совещание вызывали. Так мы пешедралом на второй день к вечеру уже в Ставрополе были...

Ну, скажи, хоть бы тебе одна какая-нибудь попутная подвода встретила. — Иван чему-то конфузливо улыбнулся и головой мотнул. — Рассказать, зачем нас вызывали? Уже слышали, наверное... Пришли мы в губком, а там нас с Васькой сразу же взяли в оборот — ужас как! Хоть с совещания беги или сквозь землю бы на тот час провалиться... Все за те колокола да за листовки... Вот уже выговаривали! Запомнилось надолго! Лихо распинали при народе... Оно, как раздумались, и верно. Лучше по улицам, говорят, где собираются вечеринки, работать с молодежью. Там гармошки... Тетя Варя, теперь в нашем селе знаете сколько комсомольцев? Двести шестнадцать! Хорошие ребята и девчата пристали к нам. Ни одна вечеринка без нас

не проходит...

«Ага, влетело-таки безбожникам! — краем уха услышал Борода беседу спутников. — За такие проделки штаны надо спускать да по мягкому месту... Разве это порядок: кому что вздумается, то и вытворяет... Где ж тут правильной жизни быть!»

— Ничего, — утешительно проговорила Варвара Фоминична. — Настанет такое время, что теперешние верующие сами забросят церковь. От Советской власти идут к нам свет и культура...

— Ну да... А этим коням сто верст ничто, — все еще оправдывался Иван. — Карпушин растил их для своего выезда. Не довелось помещику на них погарцевать...

— Теперь они наши, — сказала Варвара Фоминична. — Надо беречь похозяйски...

— Да я и так их раскормил! — вывалился Иван. — Животы как сорокаведерные бочки...

«Послушаешь — так хлопец как хлопец, — Иван Стефанович не мог простить проказы комсомольцев. — А в голове еще мало понятия... Ишь ты, колокола додумались снять! И листовки... Срамники!»

3.

В перебранку спутников Борода не вмешивался. Свое лезло ему на ум. В его глазах однообразно мелькали ноги бегущих лошадей. Вдруг беспокойно стало на сердце у Ивана Стефановича. Тревожили разные думы. Грудь сжимало тоскливо, болью щемило. Что-то похожее он испытывал всякий раз, когда отлучался на денек-другой из села по домашним надобностям в Ставрополь, Минеральные Воды, Армавир... Но тогда как-то не так все было. Теперь же дело другое. Предстоял путь уж: очень дальний. В столицу едет! Выборным от уезда. Такого с ним еще не было... С какими людьми предстоят там встречи? С кем придется говорить о сельских делах? Как-то в Москве встретят? Сколько неизвестного — и оно волнует душу. А время, ой, какое тревожное! Банд порасплодилось. Может статься, и до Ставрополя еще не дотянешь...

Между тем Борода как-то по-особенному пристально рассматривал все на пути.

Вековая дорога, посыпанная крупнозернистым песком, хорошо наезженная, как золотистая лента на ветру, извивалась у подножий надвигающихся на долину взгорий.

От взора Варвары Фоминичны не скрылось, что Иван Стефанович вдруг помрачнел и с какой-то странной жадностью печальными глазами всматривался во все, что попадалось на глаза. Он сидел на бричке, задумчивый; бледность проступала на лице, широкий лоб наморщился, в его взгляде было что-то тоскливое. Вся его фигура как-то осунулась, свидетельствуя об усталости, которую он по-настоящему будто почувствовал только сейчас, выехав из родного села.

Перед его глазами — с детства знакомые места... Красива Томузловская долина! По левой ее стороне тянется естественный лес. В сентябрьские дни он играет всеми цветами радуги и кажется населенным жар-птицами. В лесной чаще по дну долины проложила русло речонка. У нее есть свое достоинство — она не пересыхает и при страшных засухах. А это много значит в безводной Ставропольской губернии. Благодатная долина! Какие здесь роскошные сады, огороды! Все село — это огромный, издали кажется, сливающийся в единый массив сад. Тут же рядом — выпасы, а дальше — плодородная пашня — чернозем. «Вот она, казачья степь с садами, огородами, лесом». Александровцы не знают недостатка ни в хлебе, ни в мясе, ни в молоке, ни во фруктах, ни в овощах... Все свое, всего в изобилии. Здесь не так, как в засушливых местах, где люди терпят нужду от недородов.

Справа к дороге жмутся скалистые взгорья. Их голая — ни леса, ни трав — поверхность усеяна камнями всевозможной формы и величины. «И природа меняется, — заметил Борода. — Еще на моей памяти эти бугры покрывали травы в рост человека, кони и быки утопали, а теперь взгорье ощерилось глыбами песчаника».

Вот и «Лягушка». Она будто нарисованная. Никто не пройдет и не проедет без того, чтобы не взглянуть на это творение искусницы-природы. Дождями и ветрами

она так обработала вековечную глыбу песчаника, что путнику на расстоянии чудится, будто это и в самом деле гигантская лягушка карабкается на порыжелую гору...

Отсюда начинается поворот, за которым скрывается Александровское и открывается безбрежный степной простор. Широкие лощины сменяются холмистыми возвышениями, будто когда-то здесь было бурливое море, которое вдруг застыло, превратившись в волнистую степь.

Типичный пейзаж Ставрополя...

Борода обернулся назад. Ловил ненасытными глазами приметы родных мест, а его взор туманился, на стариковские глаза навертывались непрошенные слезы.

Александровское между тем стало совсем пропадать за взгорьями, за взвивающейся пылью. Сияясь что-то еще разглядеть, Иван Стефанович снова перекрестился истово, с чувством. «Прощайте, родные! Родимое село, прощай! И ты, Томузловка! И вы, сады, лес, горы...»

Теперь, когда он отъехал от села настолько, что ни построек, ни леса совершенно не видно, непрошенное чувство одиночества еще сильнее охватило его.

Варвара Фоминична снова близоруко посмотрела на ладную бороду старика. «Мужик, видать, крепкого старинного закала,— подумалось ей.— Видать, всеми корнями прирос к своей усадьбе, к хате, к селу. Это уж так: как укоренится мужик на каком месте, так уж с того места только в гроб... И без бога ни до порога. Так вот ты какой!»

—Чудной какой-то человек,— вслух высказала Варвара Фоминична свое удивление, шумно при этом вздохнув.— О-хо-хо! Уж так присматриваешься ко всему, ровно в первый раз видишь родимую местность. Э, да еще и слезы...

Не сразу отозвался Борода.

—Конечно, Варя, глаза мои видят родимый край не первый раз, — с жалостливой дрожью в голосе ответил Иван Стефанович.— Да как знать, может статься, что последний... Все, милая, под богом ходим... Феня моя не могла встать с постели да проводить меня...

Варвара Фоминична, в душе посочувство-

вала старику, но по-своему поняла его. Она почему-то догадывалась, что Борода высказал далеко не все, что было у него на сердце. Шаткий человек... Да и есть ли у него какие-то твердые взгляды? Себе на уме середняк. Справедливо Ленин говорил о при роде среднего крестьянина, о его колебаниях... А в данном случае в чем дело? Что так подкосило старика? Неужели испугался кулацких угроз? Вот тебе и на! А еще Бородой прозывается...

—Так ты с родиной, что ли, Стефанович прощаешься? — допытывалась она и как могла утешала.— Вот увидишь, твоя Феня, как вернемся, вприсядки пойдет... А если Архипа Дудку и его дружков слушать, то какое же тогда на свете житье! И на кулаков, придет время, Советская власть узду накинёт... Цел будешь, — она шутливым тоном добавила: — А то на клиросе петь некому будет...

—Как уж знаешь, так и суди, — безобидно ответил Иван Стефанович, задумчиво, будто во сне, обеими руками поглаживая бороду.— Ведь не на огород, Варя, отлучаемся. На Север путь держим! Время-то теперь, сама знаешь, какое! Война, голод, разруха... Ты ни сном, ни духом не чаешь себе горя, а оно тут как тут. Не узнаешь, когда и где голову сложишь. Мало ли народу загублено... А по нынешнему моменту страшную кару, может случиться, примешь и за праведное слово... К стенке — и готово!

Варваре Фоминичне от этих слов стало не по себе. Вот так Борода. Это кулачье сбило человека с толку... А, может, и сам он нутром такой же? Средняцкое хозяйство этому не помеха... Да как бы там ни было, а с такими думками уж лучше не ехать. Сходилком не послал бы. Да еще на такое благородное дело — везти продовольственные подарки в Москву голодающим рабочим и детям.

— Сидел бы уж дома, раз так,— рассудительно проговорила она, убедившись, что спутник малодушничает и что его, кроме того, еще что-то свое гнетет. Конечно, жена больная...

— Кому-нибудь надо же за людей постоять,— неохотно отозвался старик.— В жизни ведь так: чему быть, того не

миновать...

С этими словами Иван Стефанович отсутствующим взглядом посмотрел то на Варвару Фоминичну, то на удивленного Ивана; по лицу старика было видно, что он начал еще пуще тосковать. Спустя несколько минут, он, как подкошенная трава, повалился на бок и тем как бы дал понять, что ни к какой беседе не расположен.

Его взор скользил по волнистой дороге, которая тянется нескончаемо. Вдруг принялся считать придорожные столбы и слушать их однообразное гудение. По обеим сторонам тракта время от времени встречались зеленеющие полосы озими. А вокруг них — степь широкая, степь привольная. Невозделанные поля без конца и края. Сорняки обезобразили их...

— Уж не захворал ли? — робко, как-то поженски душевно спросила Варвара Фоминична, обратившись к Бороде.

Лицо Ивана Стефановича в ответ изобразило такую гримасу, словно он полыни пожевал. Продолжая лежать на боку, он пробормотал что-то неясное.

Варвара Фоминична только передернула широкими плечами и оставила старика в покое.

4.

«Баба — она и есть баба, — размышлял сам с собой Иван Стефанович. — Ей что, какой с нее опрос? Баба — это же чувал: что навалит, то и несет... Мужик — другая статья. С меня спросится! Везде спросится: и в Москве и дома... Варваре горяшка мало. Села и едет... Да не бабье дело — за все в ответе быть. Где ей все знать... Ну, допустим, что это за такая дорога, по которой мы путь держим? Того у тебя, баба, и в голове нет, что по этой дороге цари раскатывали. Старинный большак... Эх, и бойкий же он был до 1875 года, когда на Кавказ еще не была проложена железная дорога! Теперь-то наш шлях поутих... А сколько люда по нем прошло, проехало!

Где тебе, Варвара, все это знать... Сам Суворов ездил здесь. И Кутузов. Сколько войска здесь прошло! Густо кровью и потом политая дорога... Читал я: и Пушкин, и Лермонтов, и Толстой, и Грибоедов путешествовали этим же большаком.

Умнейшие люди! А ведь тоже жили в волнениях и тревогах. На том, видать, и свет стоит...

Прадед мой этим же шляхом пробирался в степи вольные...

И по этой же самой дороге из самого Петербурга революция пришла в наш край. И пошла ходуном жизнь... Когда уж покой придет на землю грешную? Доживу ли я до того времени, когда в своем собственном доме можно будет спокойно и уверенно жить, спать по ночам?..

Вот я еду в Москву. Хочется правду услышать... В столице беспрерывно спросят про крестьянскую жизнь. Ой, нелегко будет ответ дать! Советская власть — она бы еще ничего... И это хорошо, что у помещиков отобрали землю: тысячи десятин, принадлежавших Карпушину, Курдубанову и Кузьменко, розданы бедноте и безземельным иногородним... Помещикам крышка! За это люди говорят спасибо Советской власти. Видно, Ленин решительный человек! Далеко дело зашло... Трудовой народ оттого прирос к Советской власти. И крестьян теперь не оторвать от молодой республики. Много и мне по душе у революционной власти.

Да... Теперь бы только жить. Каждый хлебороб получил свой надел земли. Новая власть делает поважение трудящимся. О том только и разговоры: как бы счастье дать людям. Кругом поддержка мужику в борьбе с нуждой. Еще в 1918 году 15 сел Александровского уезда обратились к Советской власти с такой просьбой: дать воду засушливой земле. В ставропольской степи есть много сел, где настоящей воды на борщ не напасешь. Бедствуют там люди...

Узнали об этом в губернском ревкоме. Так сразу же понаехали инженеры, быстро составили проект строительства Кубань-Саркул-Янкульского канала. У Ставропольского комиссариата земледелия нашлись нужные для этой цели деньги.

А в царские времена сколько лет бесполезно о том же хлопотали, как только позарастили кровавые рубцы от плетей на казачьих задах... Мужичьих ходоков отовсюду гнали в три шеи, только что не пороли, как это было с «супротивными казаками».

При Советской власти сразу дело пошло как по маслу. Но снова война...

И вот спросят там, в Москве, жизнь-то у нас, на Ставрополье, какая? Да хуже некуда! Отчего ж? Это всякому видно: да от продразверстки...

Ой, тревожит она хлеборобов! Через то мужики помалу сеять стали. Откуда ж после этого хлебу взяться? Горе будет России... Так и скажу там, в Москве! Пусть будет, что будет! Хоть под расстрел пусть ведут...

А так хочется видеть Ленина! Ровно перед смертью хочется... Ну разве не глупая баба, хотя бы моя Феня: взяла и сожгла ту газету «Правду», в которой доклад Ленина про деревню. Все, хворая, боялась, что кадюки за ту газету повесят меня на моих же воротах...

Помню его думку про крестьянскую долю. Бессчетно раз читал я тот доклад Ленина... Умнейшая голова! Вот сейчас бы ту газетку еще хоть разок почитать...»

5.

...Иван Стефанович Черкашин отлично понимал, почему именно его сельский сход избрал своим уполномоченным для поездки в Москву. Он, простой мужик,— хорошо для деревни грамотный. Дня не пройдет, чтобы он не читал церковные книги. Но и от иных книжек не бегал. А в годы революции пристрастился и к газетам... Зато всегда был на виду у односельчан: «Наш грамотей».

Конечно, не без добрых людей познал просвещение Борода. В селе Александровском долго жила даровитая писательница Марко Вовчок. Это было в пору молодости Ивана Стефановича. Тогда свершилась первая русская революция. Как грибы после дождя, росли библиотеки в Александровском уезде. Их создавала Вовчок. Она же и заохотила читать многих таких, как Борода...

А накануне империалистической войны поселился в Александровском Иван Войтик. Рабочий из Донбасса, он с невероятными трудностями учился в Петербургском университете. Оттуда прибыл в село учителем частной прогимназии, в которой обучались только сынки и дочки помещиков, чиновников,

попов, торговцев, кулаков. Новый учитель чурался богатеев, а старался завести крепкую дружбу с крестьянами. Он и женился на местной простой мужичке.

Уж потом, в революцию, Иван Черкашин узнал, что Войтик был подпольным большевиком. А когда, бывало, запросто приходил учитель к Ивану, чтобы на крестьянском дворе поговорить об очередной прочитанной книжке, тогда ему было и невдомек, с кем имеет дело... «Светлая голова была у образованного тезки».

И Марко Вовчок тянулась к простым людям.

Вот с кем знался Борода...

Прямых разговоров о свержении ненавистного царского режима между ними не было. Но как-то получилось так, что Иван Черкашин будто сам собой проникся идеей, что с самодержавием надо бороться. И он было начал воплощать свою идею в жизнь. Правда, делал он это своеобразно. И был доволен тем, что доводил до бешенства уездного начальника, краснорожего генерала в отставке Шалашина. А пристав Барабаш прямо с ума сходил...

В то время своей молодости он видел главный оплот царизма в уездном начальнике, приставе, урядниках и стражниках. И повел с ними войну. Возьмет с надежными приятелями да и протянет веревку поперек переулочка, что поближе к полицейскому управлению. Веревка привязывалась к деревьям так, чтобы лошади задели ее ногами повыше колен. А потом поднимут гвалт да раз-другой стрельнут из охотничьей одностволки... И айда в сады! Через сколько-то минут дежурный конный взвод полицейских скачет в переулок. Валяются лошади, летят кубарем «блустители порядка».

Другой раз, когда этот случай уже позабудется, в новом месте раскладывались по земле железные бороны зубьями вверх. Повторялись гвалт и стрельба. Скачут полицейские... Увелились зловредные стражи самодержавия, их лошади...

Уездное начальство рвало и метало, а изловить «заговорщиков» не удавалось. Хлопцы прятались в укромных местах дремучих садов Томузловской долины...

Потом Иван обзавелся своей семьей, пошли дети — их было много. Присмирел «разрушитель проклятого режима». Но читать пристрастился еще сильнее. На этой почве нередко возникали скандалы в дружной семье: «Ну, смотри, какой настырный! Ты бы хоть свет занавесил. Детям спать мешаешь, — «пилила» Феня.— По целым ночам жечь керосин — где же денег наберешься».

С годами Иван Черкашин стал «Бородой»...

Бывал он и сельским старостой. Но люди помнят, что Борода не из тех старост-хапуг, которые брали взятки, пьянствовали, служили верой и правдой богатеям и беспощадно душили «голь перекатную». Во всех делах своих Иван Стефанович старался быть справедливым, беспристрастным и вдумчиво решал спорные вопросы. Трудовое крестьянство во всем доверяло ему. Зато его недолюбливало земство. Недолго ходил в старостах «совестливый мужик». Богатеи добились своего: отстранили неугодного «слугу бедноты»...

Самого его не тянуло в начальство. Книги — главная утеха в жизни... И хотя детей растил «целый двор», но ни за землей, ни за скотом не гонялся, не лез в кулаки. Потому без богатства жил, что все с книжками да газетами. Сколько раз за это корила его Феня! Нет, не прельщала его нажива. Довольствовался середняцким хозяйством. Жизнь свою посвятил не для богатства, а для души...

Вообще Борода — покладистый, степенный, набожный, с каждым умеет поладить и при этом за словом в карман не полезет — «политичный человек».

Была у него и душевная страсть: любил петь; его бархатный баритон солидно звучал в церковном хоре, выделялся особенно. И эту свою роль он выполнял благоговейно, ценил благосклонность к себе батюшки Михаила.

Без песни не работал ни на дворе, ни в степи. Особенно полюбилась с юношеских лет одна:

На родимую сторонку
Сокол ясный прилетел

И головушку повесил,
Сизы крылья опустил.
Отчего же ты не весел,
Сизы крылья опустил?
Там за морем, синим морем,
Соколицу я любил...

Песни, как и книги, скрашивали всю его жизнь. А вот в годы гражданской войны никто не слышал его голоса, кроме как в церкви, в дни больших богослужений.

Это, может быть, и потому так вышло, что за ним водилась еще одна страсть: самозабвенно увлекался садоводством. Ему отдавал он свои «свободные» деньги и досужное время. Не один год прошел, пока на своей усадьбе обзавелся большим набором плодовых деревьев, сам занимался прививками. Сельская молва нарекла его еще одним званием: «культурный садовник».

Уж кто-кто, а он-то, Борода, вдумчивый, трудовой мужик, знал, что на уме у сельских хозяев, знал, где «кошки скребут» у крестьянина, знал, чего желает хлеборобская душа. Именно «политичному человеку» и доверил сельский сход свои думы. Борода все видит, знает, что творится в деревенской жизни. И уж он-то скажет как надо о крестьянской нужде и там, в Москве. Он и с Лениным, если судьба их сведет, сговорится...

«Ну, хорошо, — рассуждал Борода. — Увижу Ленина. Может же мне посчастливиться на самом-то деле! А станет ли он меня слушать? С кем другим — и говорить душа не налегает. Именно самому Ленину рассказать про все деревенские беды... До нас ли ему теперь? А что, как царь с казаками?..»

6.

До Ставрополя хорошей езды с поклажей суток двое. Было время для размышлений. Иван Стефанович с закрытыми глазами нерушимо лежал на боку. Он и не заметил, как уже приехали в село Северное.

«Еще расхворается, — подумала Варвара Фоминична, взявшая на себя хлопоты по руководству обозом. — Будто и в самом деле человек почувствовал смерть... Непохоже: мужик еще крепкий... А бороду как бы в беспамятстве все охорашивает».

—В Северном привал, Стефанович, сделаем?— громко окликнула его Варвара Фоминична.

Борода нервно встрепенулся.

—Где ночь наступит, там и ночлег, — произнес он с тяжелым вздохом.

Иван Стефанович лихорадочно огляделся вокруг.

Дорога стелилась все дальше и дальше. Уже позади село Северное. Здесь просторнее степь. Во все стороны взгляни — всюду расстилается волнистая плодородная земля — главное богатство ставропольцев. Хлебная сторона! По балочкам еще зеленеет густая трава. Мелькают скромные осенние цветы на пастбищах. Сенокосные угодья остались нетронутыми... Кормовитые места! Не видно по степи ни гуртов скота, ни отар овец. Безлюдно и на большаке...

Не радуется Иван Стефановича родной пейзаж. Давнишняя стерня заросла татарником, верблюжьей колючкой, лебедой, молочаем, донником, щирцей. Дремучие бурьяны разрослись там, где обычно в эту пору изумрудом переливались всходы озими. Только изредка попадались на глаза полоски нивы.

«И на земле неурядица, — заключил Борода. — Страдает кормилица наша...»

В степи сумерки наступают как-то сразу. Подул сильный ветер. Его порывы трепали стебли сорняков. С полей все сильнее доносился гул, будто сама земля, как больная, тяжело вздыхала. Ветер все крепчал. Слышалось тревожное шуршание иссохших трав, их разбойничий посвист.

«И голоса земли — стон, — промелькнула мысль в голове Бороды. — Кормилица печалится... Так вздыхает и моя больная Феня...»

Сам Иван Стефанович невольно вздохнул. Мысли вернулись в родной дом.

«Голубка моя сизокрылая, — он выбирал самые нежные слова для своей Фени. — Не оставляй меня на земле одного... Ведь нам всегда хорошо было вместе. Я скоро вернусь. И мы будем радоваться жизнью наших детей. У них иная будет жизнь... Вскормили, вспоили мы орлов своих для славных дней. Дети наши пойдут своей дорогой... А мы будем любоваться

наследниками...»

— Вот уж я не знала, что ты такой го-рюн,— в сердцах пробурчала Варвара Фоминична.— Опять завалился на бок...

Иван Стефанович снова впал в тягучую дрему, в какую-то окаменелую угрюмость. Мыслью уносился он к пережитым годам тяжелых испытаний России. Перед мысленным взором старика проходили события последних лет.

А музыка телеграфных столбов и проводов, переменчива в мелодии, словно озвучала воскресавшие в его памяти картины недавнего прошлого.

...Потекли бурные дни. Октябрьскую революцию в селах Ставрополья встретили с радостью. Особенно ликовали батраки и бедняки. А их было немало. Почти четвертая часть сельского населения губернии, особенно иногородние, совершенно не имели земли. Еще столько же крестьян — малоземельных, владевших крохотными наделами. Таким образом, на Ставрополье накануне Октября около половины деревенских жителей — это бедняки и Революция в Ставропольской губернии шла победным, триумфальным шествием. 1 января 1918 года была провозглашена Советская власть во всех городах, селах, хуторах.

Ивана Войтика коммунисты избрали секретарем уездного комитета РКП (б).

В жизни села Александровского совершились необыкновенные перемены. И прежде всего был решен коренной вопрос — о власти. Александровские большевики, руководимые Иваном Войтиком, одержали верх над эсерами и меньшевиками и установили Советскую власть. Первым председателем уездного ревкома крестьяне избрали матроса-черноморца, жителя села Сергеевского, Кирилла Рыльского. Ему поручили сформировать красногвардейский отряд для защиты революции, которым он и командовал. Председателем комбеда сельская беднота поставила Давыда Печуркова...

Все революционные преобразования осуществлялись не всегда мирным путем. На селе с каждым днем разгоралась жестокая борьба. Особенно за землю схватывались... Земля! Земля — она кормилица, земля —

она поилица... Сколько она приняла крови и пота, прежде чем стать народной собственностью!

Памятно... Старик Дегтев закапывал межевой столб на своей усадьбе. Соседу богатирского сложения Милешкину почудилось, что этот столб на вершок подался на его усадьбу. Какой скандал тут разгорелся! Сбежались на крик люди. На глазах у Бороды Милешкин зверем кинулся на старика, насмерть задушил Дегтева...

А в степи что делалось в дни ежегодного передела земли! Нередко хмельные головы доводили дело до вил и оглоблей... Кровью платили мужики за право земледельцев растить хлеб насущный... Богатеи — те подпайвали начальство и горластых выпивак. После того, как бы ни делили землю, — все равно лучшая пашня, лучшие сенокосы доставались сельским богатеям... У помещиков земля в передел не поступала, навозилась. И урожай разный: у мужиков пудов сорок, от силы шестьдесят, а у богатеев — сто...

Давыд Печурков бесстрашно и строго проводил в жизнь советский закон о земле.

Эта революционная работа усложнилась в Александровском тем, что сельское население состояло из трех слоев: казаков, приписных крестьян, иногородних. Все они по-разному пользовались землей.

Казаку «нарезалось» 15 калмыцких десятин бесплатной, дарственной земли. А крестьянской «душе» отмерялась половина этой «пайки». За нее надо было платить большие подати. Если мужик не в состоянии был своевременно уплатить за землю деньгами, то у него насильно забирали овец, сгоняли со двора телят, кур, шарили в скрынях.

Иногородние землей совершенно не наделялись; они вынуждены были за большие деньги нанимать ее в аренду.

Казакам извечно земля наделялась по правобережью Томузловки, в Голубиной балке, где много колодцев, и на Терновском участке, где лучшая земля: тут и лес, и близкие грунтовые воды. Мужичья пашня была в Климовской балке и на Репьевке. Это засоренная бурьянами и страдающая от суховея степь.

Земельные наделы разбивались на неболь-

шие делянки. Для каждой культуры отводился массив, который по клочкам засеивали всем селом. В одном месте сеялась пшеница, в другом — подсолнечник, в третьем — овес, в четвертом — бахчи. В пяти-шести сторонах рассредоточивалась посевная земля.

При ежегодном переделе земельные угодья крестьян эксплуатировались на износ...

Революция сравняла всех жителей села в правах иметь свой надел, упорядочила землепользование.

Борода, как и односельчане в большинстве своем, увидел в этом сбывшуюся большую мечту о справедливости на земле.

Но эта мера особенно не по вкусу пришлась богатеям. А «исправных хозяев» в уездном селе Александровском было немало. Это обстоятельство в первые годы революции давало повод некоторым горячим головам, поспешно делающим панические выводы, окрестить уездный центр «кулацким селом».

Кургузов, Кащенко, Давыдов, Минаков, Дудкин, Чумаков... Они бешеными псами отстаивали свои участки. У каждого богатея была сотня, а то и более десятин земли, пять-семь пар волов, две пары или больше лошадей, свой гурт «худобы» и голов на триста «шматок» овец...

Кулаки жесточно сопротивлялись воле большинства крестьян. В 1918 году богатеи, вдохновляемые своими душеприказчиками — эсерами, — затеяли мятеж. Не выгорело у них дело... После того Гаврило Кургузов, Яков Кащенко, Иван Чумаков на сельских сходах держатся в сторонке тише воды, ниже травы. Выжидают... Только Архип Дудкин в хмельном бреду нет-нет да и выболтает их надежды...

«Ишь ты, что в своей черной душе, шкура, таишь: «Провожает обоз Советская власть, а еще не известно, какая встречать будет...» — буркал в глубокой дреме себе под нос Борода. — Нет, другую власть народ теперь вряд ли примет».

Вечерело. Обоз спустился в лощину. Здесь ветер дул еще сильнее. Через дорогу, прямо перед мордами у лошадей, по-волчьему перекатился огромный побурелый шар курая. Кони очумело шархнулись в

сторону.

—Ну, слепота! — прикрикнул на коней Иван Самохвалов. — Думали волк, что ли?

Бричка основательно наклонилась в сторону Бороды, и он чуть было не вывалился. Придержала его Варвара Фоминична. Но предотвращенное крушение не нарушило течения мыслей старика. Бороде почудилось, что это не перекасти-поле, а пьяная физиономия Архипа: «Ты ж смотри не продавайся там!» — прошуршал курай с головой Дудкина.

—Так вот еще окалечишься,— сказала Варвара Фоминична, придерживая старика. — Хватит горюниться!

Борода только брезгливо сплюнул в сторону удаляющегося шара курая, повернулся спиной к спутнице и снова за свое...

«Вот еще не было печали, — сердилась Варвара Фоминична про себя. — Панихида какая-то...»

7.

Борода поудобнее залег, чтобы снова дать простор раздумьям.

...В январе 1918 года на Ставрополье установилась Советская власть. И как раз в те дни домой вернулись солдаты с турецкого фронта. Их почему-то все считали большевиками. И, матросы появились в родных селах. Новая власть имела надежную опору по всей губернии.

Жуткие картины произвола белых вставляли в памяти Ивана Стефановича. Как только они захватывали село, тут же вылавливали сочувствующих Советской республике и немедленно вешали. Ворота и деревья на улицах служили виселицами. Руководящих работников советских учреждений казнили публично на площади.

Село во время бандитских налетов превращалось в ад кромешный: кадюки пировали. Кто ловил кур, кто тянул корову резать, кто амбар ломал на дрова. Слышались душераздирающие вопли насилюемых женщин...

Ставропольцы геройски отстаивали свои завоевания. Александровский уезд, занимая центральную часть губернии, находился в горниле событий. Через него пролегали главные дороги большого края. Этому захолустью суждено было сыграть видную роль. Отряд. Кирилла Рыльского

предотвратил эсеровский мятеж в Ставрополе. Руководитель александ-

24

дровских большевиков Иван Войтик избран председателем губисполкома.

Крестьяне Ставропольской губернии отвергли эсеровскую политику соглашательства с генералами Дона, Кубани, Терека. Белогвардейцы не раз испробовали на своих спинах силу сокрушительных ударов революционных отрядов. В критические моменты, когда враги уж очень люто наседали, в бой шло все население. Старики, бабы, подростки вооружались кто чем мог, вплоть до вил, граблей, кос и лопат, шли громить беляков. Непобедим народ в своем правом деле!

Весь восемнадцатый год прошел в боях. Ставропольцы, отражая натиск контрреволюции, собирали и окольными путями (через Астрахань и Грозный) отправляли хлеб и мясо в Москву и Баку, поддерживали борющийся пролетариат. Разрабатывали план грандиозного ирригационного строительства.

Но казачьей контрреволюции, снабженной империалистами Англии и Франции оружием, боеприпасами и обмундированием, в тяжелые дни для Советской республики удалось временно захватить власть на Северном Кавказе.

Это были дни кровавых оргий белогвардейцев. По селам Ставрополья рыскали деникинские каратели. Без содрогания сердца Иван Стефанович не мог вспомнить зверства главаря «усмирительной экспедиции» Соколова. Он — помещик, главарь «Союза русского народа». Хитрющий враг! В начале революции примазался к Советской власти, чтобы вредить республике.

Это тот самый Соколов, который в 1918 году, чтобы сохранить свою подлую шкуру, принялся «с нажимом» организовывать коммуны и «мечтал» все села объявить коммунами. Коварный враг отсиживался в безопасном месте — в имении, объявленном коммуной, дожидался прихода деникинцев. А когда в 1919 году те пришли на Ставрополье, возглавил карательный отряд, учинявший «расправу на месте» по всему Александровскому

уезду.

Фигурой и хваткой похожий на Архипа Дудкина, всегда пьяный, Соколов свирепо казнил всех, кто заподозрен был в сочувствии Советской власти. «Окончательные приговоры» выносил единолично и коротко: «повесить на дереве», «свернуть голову», «пустить пулю в глаз», «выщербить голову»... Отборные головорезы из кулацких и торгашеских сынков тут же приводили в исполнение назначенную казнь, сгоняя жителей смотреть на муки людей. От рук палачей много погибло ни в чем не повинных людей.

Не забыть Бороде зверскую расправу соколовцев над председателем комбеда Давыдом Никифоровым, известным в Александровском более по прозвищу Печурков. Это отважный борец за свободу. Он в родном селе еще до революции расправлялся с урядниками, особенно притеснявшими иногородних, и благополучно скрывался от преследований. Появился в Тифлисе. Здесь стрелял в генерал-губернатора. Осужден был на каторжные работы навечно... Вернулся на родину после Октябрьской революции. Александровская беднота избрала его первым председателем комбеда. Много энергии и темперамента вложил он в революционный передел земли. Сколько обнаружил ям со скрытым хлебом на кулацких подворьях! Многих бедняков и батраков вовлек в активную борьбу за дело Советской власти.

А в 1919 году он по какой-то своей оплошности оказался в руках соколовцев. Каратели расстреляли Печуркова близ Камаровского кладбища. Под угрозой расстрела запрещено было жителям его хоронить. Палачи добились своего: труп предкомбеда растащили собаки.

В селе Нагуты лиходея Ефим Подако поднял вооруженное восстание под лозунгом: «Долой коммунию! Да здравствует народная власть!» Мятежники казнили советских и партийных работников, активистов села.

Кулаки этого же села схватили приехавшего с докладом о значении продразверстки Ивана Войтика и, прежде

чем «пустить в расход», запрягли его в рессорную линейку, и нахлестывая батогами, поехали в село Александровское. Смельчаки из местного комбеда отбили пленника и спасли его от верной смерти. Погиб Иван Войтик в 1919 году в астраханских песках.

«Много пролито крови за свободную-жизнь, — рассуждал Борода.—А будет ли она, эта новая жизнь, лучшей для всех?»

Кому не видно, что борьба с оружием в руках помешала мирной перестройке жизни деревни. Белогвардейские генералы и их вдохновители — англо-французские интервенты — затеяли войну, которая принесла большое разорение народному хозяйству. Подорваны и промышленность, и сельское хозяйство. И, конечно, не удалось, как того хотелось александровцам, сразу же, с первых дней Советской власти начать строительство оросительно-обводнительного канала.

В начале 1920 года по всему Ставрополью была восстановлена Советская власть.

«Дорого досталась людям Советская республика, — рассуждал сам с собой Иван Стефанович.— Ее разве только вместе с сердцем кто вырвет у народа... Сколько нашествий отбила Красная Армия! И все еще идет война.

Польшу натравили на Россию. А тут еще этот барон Врангель в поход собрался. Будет ли когда-нибудь конец кровопролитию?! В некоторых селах снова эсеры взбунтовались, заманили и часть крестьян на свою сторону. Агенты Врангеля объявились. Банды стали беспокоить села. Невероятные слухи тревожат людей. Когда в селах утихнет резня?»

У Бороды совесть чиста и покойна: он по старости лет не брал в руки оружия, но его тревожила частая смена властей. К деникинцам симпатии он никогда не имел, а под конец их «царствия» возненавидел по гроб жизни. А хорошо ли пойдут дела у Советской власти, если она все же одолеет врагов?

Перед его глазами и сейчас, ну, как наяву, страницы газеты «Правда» с докладом Ленина... Никто умнее большевиков не говорил с крестьянами! Потому мужики и пошли на союз с рабочими.

А справедливого порядка что-то не видно. Выдумали продразверстку и проводят ее «как бог кому на душу положит». Разве ж это дело, когда бедняцкое хозяйство Варвары с двух десятин посева обязано ссыпать хлеба пятьдесят пудов, а кулак Архип Дудкин должен сдать по продразверстке двести пудов с полсотни калмыцких десятин! И такое еще бывало: бедняку предлагают доставить на ссыпной пункт по твердому обложению двадцать пудов зерна, середняку — тридцать, кулаку — сорок... А на деле что выходило? Маломощные крестьяне сдавали все свое зерно, богатеи набивали кошелек деньгой, а сундуки — городским добром.

«Почему Советская власть не принимает мер, чтобы успокоить мужика?» — пришла мысль в голову Борода. — «И то правда, что вольная продажа хлеба, когда идут войны, разруха, голод, тогда она на руку богатым. Это верно — они наживаются на горе народном. Государственная монополия — узда для спекулянтов. Правильно! Тут большинство крестьян идет за Лениным... Большевики глубоко вошли в крестьянское сердце. Ленин сказал большую правду о мужицкой доле. Но продразверстка...»

Газету «Правда» с докладом Ленина хранил Борода за божницей до самого прихода денкинец. В свободное время, чаще всего вечерами, доставал ее, снова и снова перечитывал. Она уже истрепалась...

«Эх, Феня, Феня, ну зачем же ты сожгла ту дорогую газету! — с сожалением подумал он. — Обошлось бы как-нибудь... И теперь вот я мог бы почитать тот доклад Ленина. Эх ты, баба, баба, где тебе, Феня, понять, что это такой доклад, который сколько ты его ни читай, а всякий раз ясное делается все яснее и яснее. Как сейчас вижу строки того доклада Ленина. Все, конечно, не запомнил, но многое вросло в мозги. И просто так говорит. Пролетариат, говорит, за социализм, а буржуазия против. Яснее ясного. Легко, говорит, понять отношения между этими классами. А какое мнение у пролетариата о среднем крестьянстве? Этих же крестьян больше всего по деревням. Это такой класс, говорит, который колеблется. Он отчасти собственник, отчасти труженик,

батраков не нанимает, сам потеет на своей пашне. Его, середняка, самого помещики и капиталисты эксплуатировали, хотя он и сам — собственник...»

Особенно врезались в память вот эти слова Ленина:

«Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии над средним крестьянством». А такое бывало. Сам Ленин говорил. Справедливо говорил! Он в том докладе, пояснял, почему есть злоупотребления.

К революции, говорит, присосались кое-где карьеристы, авантюристы, которые позаделались коммунистами потому, что коммунисты теперь у власти... А эти примазыши надувают Советскую власть, чтобы выслужиться, пускают в ход принуждение... Это надо, говорит, на примере доказать, что коммуния лучше всего. И думка у Ленина такая: если бы сто тысяч тракторов дать в деревню, то тогда и средний крестьянин пошел бы в коммунию... Еще, помнится, советовал он руководителям учиться у крестьян, завоевывать их доверие... Интересно, сейчас что у Ленина на уме? Тот доклад он делал весной девятнадцатого года. Тогда было страшно трудное положение. Враги со всех сторон наседали на Советскую республику. Может, тогда Советская власть поопасалась обижать крестьян? А сейчас как? Вот так бы и спросить у Ленина, случись встретиться».

Телеграфные столбы и провода нескончаемо издавали какие-то странные звуки: то слышался колокольный благовест, то петушиное кукареку, то сиплый голос больной жены Фени, то гул орудий или треск пулеметов, то мычание коровы Зойки, то ветер в саду, то церковный хор, то волчий вой, то Архип Дудкин льет самогонку в свою бездонную глотку, то шмелиное гудение, то шелест газеты с докладом Ленина — все это удивительно оживляло пережитое чуть ли не до галлюцинации, будто былое повторяется вновь. Обман чувств был до того сильный, что Борода вдруг стал вслух говорить сам с собой так, словно бы он с кем-то наяву ведет беседу.

— Программу Ленина и я знаю... Тоже

читал «Правду»... А жизнь какая — вот главное! — пробормотал он вслух, как бы пробуждаясь от тягучей дремы. — Нет, так жить дальше нельзя! Третий год идет какое-то страшное столпотворение... Где же конец напасти? Продразверстка замучила людей... Интересно бы послушать ответ самого Ленина.

С этими словами Иван Стефанович поднялся. Он оперся локтями о колени, а крупные жилистые руки положил на лицо. И долго так сидел с закрытым лицом, словно боялся оторвать руки и увидеть белый свет в муках и нужде... Потом осмотрелся. Смутно припоминалось, как в селе заночевал обоз... Едва разобрался, что подводы кучно стоят на площади села Сергеевки.

Подводчики сошлись в кружок и вполголоса беседовали, покуривая самосад.

8.

Варвара Фоминична чутко дремала на бричке рядом с Бородой. Она сразу услышала, что спутник зашевелился.

— Слава тебе, господи, хоть голос подал, — улыбчиво проговорила Варвара Фоминична.

Она давно догадывалась, что «болезнь» Ивана Стефановича особого рода; для нее не была тайной причина, почему так глубоко задумался Борода: все еще выискивает правду-матку, чтобы на нее опереться в жизни. Когда-то и она сама металась в мыслях, искала свою дорогу... И она не мешала ему быть самому с собой.

— А я уж и не знала, что подумать, — приветливо добавила она. — И спишь и не спишь. То вздрагиваешь, то всхрапываешь. Сама все думаю, что это за хвороба такая? Когда пригляделась да прислушалась, а у тебя вон что, оказывается, на уме... Войну закончим — другая жизнь будет!

— В такой жизни захворать не диво, — Иван Стефанович устало посмотрел по сторонам, достал сумку с харчами и жадно принялся есть хлеб с холодной говядиной. — Видела бурьяны? Откуда ж хлеба взяться? На войну кивай, а продразверстку не забывай. В селах жизнь глохнет... Ах, господи, помилуй нас грешных. Видно, все, что в жизни хорошего осталось, так это

вера, что на том свете будет лучше тому, кто в рай сподобится.

— Если уж на земле не станет лучше, — встала Варвара Фоминична, — то и нигде не жди. У людей все на этом свете.

На голоса выборных сошлись бодрствовавшие подводчики. Какой там сон на груженом возу. И ночи уже холодные. Да и доглядеть кому-то же надо добро. К дежурным обозчикам присоединились и местные вооруженные комбедовцы, явившиеся охранять подарки для московских рабочих и детей.

— Что, Стефанович, занедужал? — участливо поинтересовался Григорий Колесников, опираясь, как на посох, на винтовку. — Следом еду... Кони у меня из той же конюшни. Не отстану! А ты все лежишь и лежишь. Может, бабку какую поискать, чтобы пошептала да испить чего дала... для здоровья? Дотянешь до города — там доктора есть.

— Он, должно, кулацких посулов испужался, — смешливой скороговоркой выпалил Иван Самохвалов, неусыпно дежуривший по охране обоза. Он то и дело переключал с руки на руку винтовку, с которой не расставался ни днем ни ночью; на парне лихо заломлена фуражка. — Все банды ему мерещатся.

Борода глухо крякнул, будто тяжесть какую поднимал. Но промолчал.

— От же какая теперь молодежь, — возмутился сергеевский пожилой житель в рваном полушубке. — Кулаки и банды ему для смешки... Это беда сурьезная! Так и держи уши да глаза... остро! С таким обозом разделаться — это им одно удовольствие. Да у них, видишь, парень бравый, супротив нашей силы кишка тонка. Вот как! А тебе смешки. Я уж забыл, когда в своей хате ночевал.

— Нет, Ваня, не банды я боюсь, — беззлобно проговорил Борода; в красивый голос его вкрадывались сипловатые нотки. — Все думаю, как дальше жить будем после всего, что было... Тяжелое это дело — заглянуть немножечко вперед... А сейчас наша жизнь какая? От продразверстки до продразверстки... И такое время настало, что эта самая продразверстка банды плодит... Так всю ли жизнь будет

продразверстка? Вот вопрос мучительный... Может, и в самом деле это для того такой порядок завели, чтобы всех в коммунию загнать?

Варвара Фоминична сдвинула со рта шаль, одетую на ночь глядя.

— Опомнись, Стефанович! — предостерегающе произнесла она. — Ты ж кащенковские слова повторяешь... Как будто тебе с богатеями чай распивать, что их руку тянешь!

— Продразверстка и коммуния не по нутру разве только одним богатеям? — оправдывался Борода. — Оттого и тревожно в селах...

— Да... да... — вставил сергеевский комбедовец. — О хлебе все время толкуем. А все через то, что жрать скоро всем будет нечего...

Иван Самохвалов затейливо повесил на плечо винтовку дулом вниз.

— Хлеб будет! — уверенно сказал он. — Кулачье потрусим...

— И в ямах, голова безусая, есть дно... — рассудительно сказал Григорий Колесников. — Если посевов будет мало, и хлеба столько же.

Сергеевский мужик неестественно громко откашлялся.

— Как же это так? — спросил он, ни к кому в отдельности не обращаясь. — Землю только поделили, еще я на нее не нагляделся... И вот тебе — коммуна! И продразверстка... Теперь если весь надел засеять, то хлеб возить не перевозить на ссыпку... Продразверстка — такое дело...

— Больше, чем надо, никто не потребует, — разъяснила Варвара Фоминична. — На войне люди жизни свои не жалеют за Советскую власть, а вы боитесь лишний чувал пшеницы ссыпать для бойцов и рабочих... Настанет мир — тогда видно будет, как лучше жить. Рабоче-крестьянская власть не обидит своих трудящихся.

— Это верно! — поспешно согласился сергеевский мужик.

«А все же очень интересно, какая теперь думка у Ленина? — размышлял Борода, разжевывая говядину. — По нынешним временам, ой, не легко же править государством, да еще таким... огромным,

как Россия».

9.

На востоке заалела заря. Выехали за село. Дорога тянулась бесконечной лентой. Справа и слева ее земля-кормилица.

Иван Стефанович мог хоть целые сутки смотреть, как открывается за далью даль. Лежит степнина нераспаханная. Нет у степи-матушки прежней красоты. И здесь, где в мирное время росли пшеница, овес, ячмень или высились кукуруза и подсолнух, — все забурьянено. Кое-где небольшие полоски озими изумрудно светятся на серо-буром фоне поникшего застарелого разнотравья. И чем ближе к Ставрополю, тем реже посевы.

«И степь нуждается в покое, мире и труде, — заключил Иван Стефанович, — чтобы кормить и радовать крестьянское сердце...»

Лошади отдохнули и насытились за ночь, с утра помчали брички веселее, звучно отфыркиваясь.

— Кони фыркают в дороге, — шутливо проговорила Варвара Фоминична, косясь на Бороду, — это, говорят, к радостной встрече... Надо надеяться на лучшее. Оно будет! И я уверена, что потомки наши и вообще кому суждено жить после нас, ой, как они будут завидовать нам. Это ж мы — шутка ли! — начали жизнь без царя и помещиков! При нас вся земля стала народная! В селе изба-читальня открылась, большая библиотека, ликбез действует... В такое трудное время, а как-то светлее стало в Александровском!

— Когда-нибудь, может, людям будет лучше, — гадательно ответил Иван Стефанович. — Как знать все это? И после нас, разумеется, жизнь будет идти своим чередом. А как — вот тут и заковыка! Эта заковыка в сердце вонзилась, и нет покоя душе... Как от нее освободить сердце?

— Сама выскочит, как жизнь наладится, — успокаивающе сказала Варвара Фоминична. — Революция пришла для лучшей жизни!

«Сама выскочит»... В это не верилось Бороде. Сидеть и ждать у моря погоды — пустое занятие. Живой о живом печется: сегодня должна жизнь течь по правильному руслу! А где оно, это правильное русло?

Кто его укажет народу?

Раздумье, тяжелое и глубокое, в дороге внутренне встряхнуло Бороду. Он словно пережил какой-то душевный кризис. Переболел, перестрадал. Сомнения и колебания сменились твердой решительностью:

«Пусть что будет, а я так прямо и скажу: нет жизни крестьянству, — окончательно утвердился в этой мысли про себя Иван Стефанович.— Как кого из старших большевиков в Москве увижу, так и выложу все, что есть. Ничего не побоюсь. А если за контру сочтут и расстреляют, так, что ж, и смерть приму. Лучше умереть, чем жить в вечном страхе. Не утаю крестьянские думы. Кто ни дорвется до власти, так и давай же тянуть с крестьянского двора. При царском режиме нас душили. И теперь не житье. Против самой Советской власти — что скажешь? Она будто получше царской и деникинской. С дорогой душой подарки собрали и сами в Москву доставили. Да замучила продрозверстка! Как понаедут продотрядчики, как развернут свои полномочные мандаты... Крестьянское хозяйство рушится. Скоро и в деревне есть будет нечего. Земля теперь у всех крестьян есть» а воля обрабатывать ее отнята. Сиротливо лежит наша кормилица. Когда мужики с деникинцами рубились, тогда на все лады кричали: крестьянин, мол, есть товарищ и брат рабочему, союз у них должен быть нерасторжимый... Эх, не могу простить Фене, что она спалила ту самую газету с докладом Ленина! Может, теперь в Москве иные песни... На деле-то как? Рабочие ничего не дают крестьянам со своих фабрик и заводов, а сельскую продукцию забирают всю подчистую. Так не по-товарищески, не по-братски... Лучше всего с Лениным повстречаться... Помогите бог!» А вслух Варваре Фоминичне ответил:

— Жизнь-то налаживать нам. Готовенькую ждать неоткуда. Пахать землю — дело наших рук.

— Справедливые слова, — согласилась Варвара Фоминична.— Мы ж и будем строить новую жизнь. Да она уже строится! И наш обоз — это кирпич в новое здание свободной жизни. В трудное время мы живем, тяжелые дела делаем. Такая

революция, думается мне, может быть один раз за всю человеческую историю! Еще будут и завидовать нам потомки: с нас началось...

— А скоро большевики всех гадов одолеют?— спросил слушавший все внимательно Иван Самохвалов, моргая слипающимися от бессонницы глазами и развлекая себя тем, что похлопывал кнутовищем по голенищу сапога.— Еще много гидр контрреволюции по заграницам живет...

Варвара Фоминична промолчала с умыслом, лукаво поджав губы и выжидая: послушаем, мол, что ответит Борода.

—Кто ж его знает заранее, откуда какой враг появится,— отозвался Борода.

Этот ответ не удовлетворил парня, он задумчиво пожевал ртом.

— Скоро Ваня! — убежденно сказала Варвара Фоминична.— За кем идет народ, того и победа. Ты, хлопец, вот куда смотри: сколько кадюки казнили людей, а за Советскую власть все больше и больше. Весь народ никому не уничтожить. Значит, Советской власти вечно жить... Ну, все одно как жимолость какая. Видел такой кустарник? Как хворостину жимолости подрубают под корень, а через некоторое время вместо нее, смотришь, целая дюжина молодых побегов пошла... Советскую власть нельзя победить! Ленин нас ведет. Трудящиеся люди расправляют крылья для новой, свободной жизни...

Довольная улыбка осветила лицо Ивана Самохвалова. Парубок, озорно размахивая в воздухе кнутом, прикрикнул на мерингов, дал выход своим чувствам:

—Ну, задремали! Ставрополь скоро увидим... Живее! Рабочим продукцию везем!

Лошади все равнодушнее относились к кнуту крикливого подводчика. Им уже снова нужны были отдых и кормежка... В селах близ Ставрополя было пустынное, чем в глубине губернии. Показалась Старо-Марьевка.

«Когда-то жизнь, конечно, наладится,— подумал Иван Стефанович.— Таким, как этот парубок,— счастье: будет же когда-нибудь и хорошая жизнь... А сейчас и глаза б мои не смотрели на свет божий».

Борода не без зависти пристально всматривался в лицо Ивана Самохвалова.

«В молодости и я был такой же вот отчаюга. Все с полицейскими сражался темными ночами... Нынешняя молодежь ни перед чем не останавливается. И додумаются же! Сняли, барбосы, колокола с церкви перед самой пасхой. Тут надо звонить, хватились, а колоколов нет ни одного... Сразу догадались, чья эта работа — комсомольцев. Их секретарь Васёк Широкий, белобрысенький хлопчик Сашок Копнин и вот этот Ванюшка Самохвалов... Да мало ли их на селе! Они и не отнекивались. Еще с гордостью рассказывали, как ночью, никем не замеченные, пробрались на колокольню... Только через несколько дней нашли те колокола в степи под стогом старой соломы... А без колокольного звона — ну что это за богослужение! Все равно что свадьба без музыки... И смех и горе...

Другой раз, кажется на спас, в самый разгар службы по церкви, как голуби, разлетелись листовки. На тех листках крупно отпечатаны слова: «Религия — опиум для народа. Товарищи крестьяне и крестьянки, никакого бога нет, стройте счастливую жизнь на земле! Да здравствует Советская власть!» И это дело тех же рук. Они и не скрывали. Василий Широкий сочинял, Сашка Копнин набирал в типографии, и все вместе с Иваном Самохваловым разбрасывали по церкви... Ну что ты с ними поделаешь! Комсомольцев в селе будто душ двести... Молодость прилипчива к новому. А ведь хлопцы хорошие. Только безобразничают...»

Обоз въезжал в Старо-Марьевку.

На улицах ни души, будто вымерло село. Кудлатая худая собака, свернувшись калачиком, лежала в распахнутых настежь воротах; на грохот обоза она лениво подняла голову, зло оскалила зубы, не гавкнув ни разу, повела глазами и снова уткнулась в свой с выступившими ребрами бок. Быстро наступила темная осенняя ночь. Расположились на ночлег. На горизонте Ставрополь приветливо зазывал электрическими огнями...

...В полдень третьего дня обоз уже громыхал по булыжным улицам губернского

города.

Глава четвертая

ЭШЕЛОН

1.

Центральная улица губернского города многолюдна и шумна. Стоит непрерывный грохот тачанок, линейек, бричек, телег, снующих о булыжнику Большой Черкесской. Время от времени раздается четкий цокот верховых лошадей. Люди, одетые в военную и штатскую одежду, куда-то спешат по тротуарам и скверу, тянущемуся через всю улицу.

Главный людской поток устремлен к бывшему губернаторскому дому. Здесь разместился губернский ревком. Сюда направились и александровцы. Их уже ожидали выборные от других уездов.

В ревкоме Иван Стефанович и Варвара Фоминична перезнакомились с Василием Семеновичем Грамковым, дюжим мужиком из села Безопасного, с басовитым Алексеем Михайловым из села Донского, с жителем села Терновки Иваном Степановичем Белозеровым.

Борода тут же отметил, что Белозеров — мужик расторопный, сосредоточенный, осторожный, слов на ветер не бросает.

Все они — избранники крестьянских сходов — и составили знаменитую делегацию, которой предстояло отправиться в Красную столицу, чтобы передать рабочим подарки, собранные в губернии в «неделю сухаря» и «неделю помощи голодающему центру продуктами».

В состав делегации были еще включены два представителя Ставрополя — жители губернского города Павел Александрович Лопатин и Евдокия Борисовна Панина.

Выборные делегаты не состояли в партиях и главным образом были, как тогда о них писалось в газетах, «люди преимущественно пожилые и уравновешенные».

Между всяческими заботами, губернские организации в первую очередь снабдили делегатов большой кипой газет за несколько дней и брошюрами: «Что такое Советская власть?», «Есть ли бог?», «Как уберечься от тифа»...

Борода отобрал себе номера губернской газеты «Власть Советов» за те числа, что он был в дороге. Привычка к регулярному чте-

нию в нем с каждым днем укреплялась. Но в городе ему не удалось заняться газетами: хлопоты крестьян по переделке мяса на колбасу, обмену скоропортящейся картошки на муку и погрузка продуктов в вагоны забирали все время.

Зато в общих заботах и трудах по подготовке к отправке эшелона между выборными делегатами с первых дней установились близкие, доверительно-короткие отношения.

Иван Стефанович не упускал случая обмениваться думками с новыми друзьями.

— Ну, как у вас? — осторожно и неопределенно любопытствовал Борода у Белозерова, темнолицего, с проседью в усах мужика из Терновки, чтобы «разнюхать», чем люди «дышат» в соседних селах. — Жизнь ладится?

— Помаленьку, — ответил Белозеров, раздвигая подковку усов, прокопченных самосадам; он ощупывающим взглядом посмотрел на Бороду. — Москва не сразу строилась... Все наладится в лучшем виде. Главное ведь — власть и земля, а они в руках народа. Кто ж себе враг... А так забот и хлопот полная голова!

— И не спрашивай! — перебил Белозеров здоровяк Грамков из Безопасного, при этом сокрушенно махнул рукой. — Какая уж там жизнь? Третий год продрозверстка... Ни конца не видно ей, ни края. На селе какое-то столпотворение.

В беседу включился Михайлов.

— И в Донском то же самое, — авторитетно пробасил он.

Разговор постепенно становился общим:

— Зачем и для кого берут с нас так много хлеба?

— Вот именно! Неужели в России всюду такой голод?

— И у нас не за горами бесхлебица.

Посевов мало.

— Хлеб берут, а товаров взамен не дают...

— Интересно, видит ли все это Ленин?

— Такой человек не может не знать про народную жизнь...

Первый же обмен мнениями сблизил делегатов до такой степени, будто они век

жили под одной крышей или в крайнем случае в одном селе. Скоро был найден общий язык, выборные понимали друг друга с полуслова. Вопросы всплывали один другого «занозистее», а ответа, чтобы удовлетворить

взволнованные крестьянские умы, не находилось. Каждый уповал на то, что вот уж в Москве непременно можно будет дознаться, какую ждать жизнь. Только и оставалось...

От ревкома и продкома в делегацию были введены товарищи Петров и Котов. Разъяснения ответственных представителей губернских властей выслушивались делегатами со вниманием, но это все же не освобождало крестьян от сомнений.

«И у всех на душе одно, — сделал вывод Иван Стефанович. — Значит, не один я среди делегатов так встревожен положением в деревне... Гуртом надежнее добиваться чего-нибудь... И грех обо всем этом промолчать в столице. Пусть что будет...»

Разговоры возникали снова. Велись они откровенно — что на сердце, то и на языке.

— Ну, допустим — голод. Но отчего он?

— Быть может, от повального лодырничества?

— Слышать, по городам рабочие не работают. Поразбегались с заводов и фабрик.

— А, может быть, голод оттого, что появились коммуны и никто в них не желает трудиться, а жрать давай?

— Хлеб берут, а дают бумажки. Какой прок теперь от денег?

— Где купить нужный товар? В кооперации пустые полки...

— Дожились: за аршин ситчику давай спекулянтам чувал хлеба... Порядок?

— Неужели всю жизнь так и будет эта... продрозверстка?

— Как я погляжу, скоро ни посевов, ни скота не станет...

— Вот про это бы самому Ленину замолвить словцо... Как он?

Слушая все это, Борода почувствовал уверенность в правильности своего решения после мучительных раздумий. Он окончательно «пришел в себя», затаив намерение говорить в Москве о крестьянских делах начистоту.

В думах делегатов нашли свое отражение настроения крестьянской массы.

Губернские власти отдавали себе отчет в том, что эти настроения — губком РКП (б), ревком и продком о них хорошо были информированы — в конце концов в известной степени заранее определяли затруднения в проведении хлебной разверстки. И с этим нельзя было не считаться. В такой обстановке и возникла мысль о посылке делегации в Москву. Пусть, мол, крестьяне побывают в столице, познакомятся на месте с заводами, фабриками и учреждениями, своими глазами увидят, как живут и трудятся рабочие, как действуют центральные органы Советской власти...

И повод для этого подвернулся подходящий: доставить подарки в Москву. «Неделя сухаря» и «неделя помощи голодающему центру продуктами» прошли успешно. Подарков (муки, сухарей, сыра, колбасы, фруктов сушеных, масла, сала) набралось пудов тысяч двадцать.

Под такой груз понадобился целый эшелон. Об этом позаботились рабочие Армавиرو-Туапсинской и Владикавказской железных дорог: при депо станции Ставрополь они отремонтировали состав вагонов и паровоз к нему.

Весь груз разместился в 19 вагонах. Составился маршрутный поезд специального назначения: Ставрополь—Москва.

2.

Наконец настало утро 2 октября, когда эшелон был вполне готов отправиться в путь.

Паровоз, свежевыкрашенный, отливал антрацитовым блеском; на его тяжелой груди, распираемой парами, трепетало кумачовое полотнище, на котором мелом было начертано трогательно-взволнованное обращение: «Гороплюсь в Москву, не задерживайте, меня ждут дети!»

На перроне собрались горожане. Короткий митинг. Ставропольцы посылали приветствия москвичам...

И вот раздался залиvistый гудок. Последовал рывок паровоза, и звонкие удары буферов пробежали вдоль состава. Вагоны дрогнули и медленно поплыли по сверкающим полосам рельс, огибающих

Ставропольскую возвышенность. Застучали колеса...

С этим же поездом прямым сообщением в столицу выехала и крестьянская делегация, чтобы, как говорилось на митинге, «лично вручить московским рабочим подарки от ставропольских крестьян и непосредственно на месте ознакомиться с жизнью рабочих и настроениями Красной столицы».

— Это хорошо, что не с пустыми руками едем в столицу,— рассудительно нарушил задумчивое молчание спутников Борода, когда поезд развил скорость.

— Да, порадуем подарками, ну, и, конечно дело, разузнаем все как есть, — отозвался Белозеров.

В губернской газете много писалось о том, что собранные у населения подарки сами крестьяне повезут в Москву. Поэтому в пути следования до Кавказской поезд должен был останавливаться на каждой станции: Пелагиаде, Рыздвяной, Изобильной, Расшеватской... Здесь его встречали ставропольцы из близлежащих сел. Как тут не остановиться, когда к полотну железной дороги подвезены добровольно собранные продукты. Их грузили в вагоны. Но у вышедших к станциям была и другая цель: всем хотелось своими, глазами посмотреть на делегатов. Ведь этим людям, что бы там о них ни говорилось, посчастливилось: они удостоились чести поехать в столицу представителями от всей губернии. Тут можно даже позавидовать...

На станции Изобильной толпился народ...

Дюжие мужики несли на спинах мешки, ящики, бочонки; размещали их по вагонам.

— Везите продукцию рабочим, а обратно прихватите с собой мануфактуры, букварей, борон, жаток, спичек, соли, мыла, керосинчика,— напутствовал, опираясь на палку, изобильненский пожилой крестьянин, подошедший вплотную к вагону.— Чтобы все по совести было... Вот бы порадовались крестьяне городским подаркам!

— Держи карман шире! — ехидно скалил зубы суетливый мужик, скинувший с плеча чувал муки в вагон.— По совести живут

святые да дураки... Хлеб товарищи поедят и спасибо забудут сказать. А как расправятся с подарками, тогда ненасытные продрозверстчики сами прискачут на двор, последнюю какую ни на есть продукцию силком загребут...тЗнаем порядки коммунии... А эти наши делегаты, если вернутся живыми из Москвы, только вшей тифозных привезут...

Иван Стефанович, помогая укладывать подарки, слышал слова крестьян. «Везде одни балачки»,— подумал он.

А вслух произнес:

—Затем, братцы, и едем, чтобы там, в столице, все выведать, как жить-то дальше будем.

3.

Вот и Кавказская.

Эшелон вышел с глубинной ставропольской железнодорожной ветки на главную магистраль.

Большая узловая станция напоминала кладбище бездыханных паровозов, изуродованных вагонов. А на вокзале битком людей. Много красноармейцев в островерхих суконных шлемах, с матерчатыми красными звездами. Тут и семьи со всем своим скарбом расселись по узлам на перронах. Расторопные мужчины и женщины завидного здоровья облепили Кавказскую своими бесчисленными мешками, чемоданами, баулами.

Куда-то они едут... В толпе снующего народа нетрудно разглядеть бойцов, спешащих в свои части; по-мертвецки бледным, одутловатым лицам стариков, женщин и детей узнавались люди, гонимые неумолимым голодом с Севера в «хлебные затишки» Юга; напористые до наглости обладатели мешков и чемоданов выдавали в себе мешочников-спекулянтов, наживавшихся на отчаянном горе человеческом...

Видно, уже долго ждут все эти разные люди хоть какого-нибудь поезда... На путях ни одного «живого» паровоза, ни цельного вагона...

Ставропольский эшелон растормошил настороженных обитателей вокзала. Услышав паровозный гудок, перестук колес, увидев движущийся состав вагонов, они высыпали на платформу и саранчой набросились на

поезд.

Караульным красноармейцам — их было четверо при эшелоне — пришлось пустить в ход свое оружие, чтобы отстоять бдительно охраняемый объект на колесах. И делегация усердно потрудились, разьясняя назначение специального маршрута.

И все-таки кое-кому из особенно юрких счастливиц повезло: на крышах вагонов, на тендере паровоза, на буферах уехало немало провожаемых завистливыми взглядами...

— Вся Россия всполошилась,— буркнул себе под нос Иван Стефанович.— Сколько народа покинуло отчий дом, родные места... И чем все это кончится? Вышла из берегов многоводная река, расплескалась во всю ширь большой страны... Кто ее направит в спокойное русло?

Эшелон отсчитывал километры. Ставрополье осталось позади...

Борода подмостил под себя соломы, уединенно уселся, достал припасенную пачку газет, сосредоточенно углубился в чтение. Разноцветные страницы из грубых оберточных сортов бумаги рассказывали о жестокой схватке двух миров. От «Власти Советов» повеяло жарким дыханием кипучей борьбы за новую жизнь...

На переднем плане губернской газеты сообщения с фронтов: Красная Армия сокрушает напор полчищ барона Врангеля и польского пана Пилсудского... И снова объявлена «неделя труда»... И нет ни одной такой страницы, на которой бы не говорилось о продрозверстке. Самый жгучий вопрос! В стране голод...

Борода жадно вчитывался в каждый номер газеты. О многом повествовали напечатанные бледной краской, всевозможными шрифтами ее страницы. Глаза Ивана Стефановича ловят кричащие заголовки:

«Перед нами девятый вал хозяйственной разрухи».

«В атаку на врага — разруху!»

«Началась неделя трудового фронта».

«Северный Кавказ вспыхнул трудовым энтузиазмом».

«Не хочешь работать — голодай, но не жалуйся».

«Восстанавливайте сельское хозяйство!»

«Не медлить с выполнением продрозверстки!»

«Накормим хлебом голодную Россию!»

«Сейте!»

Иван Стефанович читает коротенькую заметку под однословным заголовком «Сейте!»:

«Приезжающие из губернии с прискорбием передают, что наши ставропольские сельчане по-видимому... не намерены засеивать как можно больше пространства пахотной земли.

Некоторые рассуждают так: «Что ж, дескать, буду обрабатывать излишки, коли у меня весь хлеб отберут, да еще по низкой цене»...

«Пишут-то как... Ишь ты: «Некоторые рассуждают...» — Борода знал, что не только некоторые, а многие крестьяне так рассуждают, в их числе и он сам думает то же самое.— И почему-то в газетах не пишется, что и со скотом не по-хозяйски крестьяне поступают. Режут вторую корову, быков, телят — все идет на прокорм ненасытной утробы, как будто через год людям и не жить... А все это по причине продрозверстки. Идет разорение сельского хозяйства... А сколько тягла и скота угнали кадюки со Ставрополя! Сколько уничтожили и забрали инвентаря! Опустели двory крестьянские, забурыятели... Тяжело восстанавливать хозяйство. А тут еще эта... продрозверстка!»

Борода скользит глазами по строкам постановления губернских властей об очередной продрозверстке. Ставропольские сельчане до ссыпки хлеба нового урожая обязаны вывезти в продкомитетские амбары еще семь миллионов пудов зерна «урожая прошлых лет». При этом специальным пунктом разъяснялось:

«При составлении разверстки засчитано все количество хлебов: а) взятое при белых; б) взятое при прохождении нашей Красной Армии; в) взятое упродкомами, опродкомом Х...».

А из урожая в 1920 году губерния должна была сдать государству 30 миллионов пудов хлеба.

«Кто это может учесть, сколько, кем и когда взято,— внутренне полемизировал с

постановлением Иван Стефанович.— Деникинцы мстительно грабили ставропольские села. Вернувшийся к исполнению своих обязанностей желчный пристав Барабаш вымещал на мужиках свою злобу за все былые тревоги. Это ему когда-то Иван Черкашин досаждал своими затеями по переулкам с веревкой и боронами... Его приказ был такой: все вымести из амбаров и на семена не оставить ни горсти зерна... И товарищи иной раз последнее забирали. Теперь пойдй учти... Но, главное, и сейчас не видно, когда все это кончится. Всем давай хлеб, мясо... Даже батюшка наш Михаил и тот стал только натурой брать. За сорокоуст поп требует четырех баранов и два чувала муки. Все тянут с мужика...»

Из газеты видно, что туго шла продрозверстка. «Власть Советов» из номера в номер призывала:

«Поборем голод!»

И тут же разъясняла:

«Переживаемый момент продовольственного кризиса в республике требует от всех напряжения сил и самого усиленного темпа ссыпки хлеба. Нужно во что бы то ни стало ссыпку довести до требуемого количества и как можно скорее!»

И через всю первую страницу афишным шрифтом газета вразумляла:

«Крестьяне! Вам нужны изделия фабрик и заводов? Снабжайте же хлебом рабочих, подкрепите их силы, подкормите их! Давайте больше хлеба! Вам отплатится сторицей!»

А на тот случай, если продрозверстка не будет выполнена, газета рисовала такую ближайшую перспективу:

«Мы, подобно нашим дедам и прадедам, на долгие века облачимся в самотканые грубые дерюги, станем на волах чумаковать в Крым за солью, забудем, что такое керосин, и перейдем к жалкой лучине...»

«Оно и сейчас керосин и соль где купишь?— полемизировал Иван Стефанович.— А о мануфактуре и говорить нечего. Бабы из старой мешковины шьют юбки, все свадебные простыни давно пошли на кофты».

В газете откровенно пишется о происках контрреволюции и кулачья. Они подняли

свои недобитые головы в момент войны Советской России с бароном Врангелем и панской Польшей. У них оживились надежды на возврат старого режима. Распускались самые невероятные слухи и провокационные «наставления»:

«Большевикам уже не долго осталось быть у власти...»

«Нет хлеба коммунистам!»

«Вот заберут в продразверстку все, оставят нас без харчей, а потом и погонят насильно в коммунию».

«Не сдавайте хлеб: все равно на днях придет Махно и перевешает всех коммунистов».

«Последние дни живут Советы...»

«Советская власть от антихриста».

Эту вражескую агитацию Борода слышал и в своем селе. Одна кулацкая коварная выдумка настигала другую, отравляя сельскую атмосферу. Богатеи не только злобно нашептывали. Они зарывали хлеб в землю, чтобы не дать его голодающим рабочим:

«Не держи деньги в узлу, а держи хлеб в углу».

Архип Дудкин уже не стесняется заявлять об этом во всеулышание. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке...

Губернская власть бдительно укрепляет новый порядок. В Ставрополе раскрыт контрреволюционный заговор белых офицеров. Агенты Врангеля проникли на Ставрополье. В Александровском уезде они в трех селах спровоцировали восстания «на почве продразверстки...»

«Нет, так долго не может продолжаться.— Борода сложил газеты и засунул их за борт шубы.— От продразверстки много бед...»

— Что там нового пишут в газетах?— полюбопытствовал Белозеров, подсев к Ивану Стефановичу, и принялся вертеть сигарку.

— Все то же,— подумав с минуту, медлительно, будто нехотя ответил Борода.— Нажимают на продразверстку. А мужики что-то не опешат...

— Приспела пора за кулачье взяться как следует, чтобы аж клочья летели! — не задумываясь, как о выношенном решении, сказал терновский мужик.

Борода уже раз узнал, что Белозеров —

комбедовец и наготове держит «острый зуб для контры». В Терновке много таких... Когда белые подошли вплотную к селу в 1918 году, то население вооружилось кто винтовками, ружьями, кто вилами, топорами, граблями — все обрушились на врага. И старики, и женщины, и подростки — сообща сражались. Так и отстояли свое село от белой погани...

Иван Стефанович изучающе посмотрел на Белозерова.

— Опять кровь...

— А чего вражинам в зубы смотреть! Так они и Советскую власть загубят.

С каждой новой верстой пути на север нее резче выступали следы боев и пожаров — пепел и разрушения. Ростов, Зверев, Воронеж... Сколько вокзалов с развалившимися стенами, без крыш, без дверей, без стекол! Сколько разнесенных, обгоревших домов в городах и селах.

Медленно подвигался эшелон. Езда такая была: сначала раздобывай дров, натаскай их на паровоз, а уж потом поднимай пары, да и катись. Дрова не на всякой станции припасены...

Девятая по счету ночь застигла эшелон в Воронеже. Сквозь беспокойный сон на уже слежавшейся соломе, разостланной по полу товарного вагона, Иван Стефанович слышал, как осенний ветер рыщет по опустевшим зданиям, рвет с крыш болтающиеся обрывки жести, раскачивает, должно быть повисшую на одной петле, ставню. Чудилось, что это сами развалины воют...

И днем Воронеж, как и Ростов, Зверев, не менее печален. Почерневшие заводские трубы безжизненно вонзились в сумрачное небо. Между развалинами когда-то многоэтажных зданий торчат высокими пнями обгоревшие деревья.

На перроне и платформах вокзала слоняются с болезненной опухлостью лиц голодные мужчины и женщины. Все, что осталось в доме ценного из одежды, они принесли сюда, чтобы выменять хоть кусочек хлеба. Чумазые подростки в лохмотьях подходят к вагонам и, глядя исподлобья, хриплыми голосами попрошайничают...

Женское сердце Варвары Фоминичны — редко с ней бывало такое даже в самые трудные дни жизни — не выдержало: на глаза навернулись слезы... Уж она-то хорошо знает нужду, горе людское. Как изголодался народ! Раздала людям свои продукты...

«Поднялись бы из могил деда наши да посмотрели на свой Воронеж,— душа Ивана Стефановича содрогалась от увиденного.— Во что превращена их родина...»

— Вот люди где бедствуют... — произнесла Варвара Фоминична несколько погодя, когда пришла в себя, а эшелон приближался к Москве.— У нас, если сравнить,— рай.

Это было сказано достаточно громко с расчетом, чтобы непременно расслышал Борода.

Вагон в это время трянуло так, что Иван Стефанович обился с мысли и промолчал. Несколько минут спустя он снова вернулся к своим думам.

— Сколько едем, всюду невозделанная земля,— сказал он, ни к кому не обращаясь в отдельности, будто думал вслух. — Сиротливо лежит кормилица...

Ставропольские крестьяне своими глазами увидели разорение страны, слышали стоны, жалобы. Само собой мелькнуло в голове Бороды: вот уж сколько дней он не слышит привычного по родному селу оглушающего лая собачий. А по городам ни собак, ни кошек просто не видно... «Неужели до того дошло?! А что ж: голод проймет — станешь есть, что бог дает»...

Под мерный стук колес Иван Стефанович горестно размышлял: «Поднимется ли Россия из такой разрухи?!» Этот же жгучий вопрос он читал и на лицах спутников.

— Вот уже где народ хлебнул лиха! — в тон ему проговорила Варвара Фоминична. — В этих местах Красная Армия громила денкинцев, мамонтовцев, шкурцев... Здесьней земле больше всего досталось в гражданскую войну. И войско отсюда бралось, и хлеб, и скот. Люди всем пожертвовали, чтобы жила Советская власть... А у нас и на Украине в прошлом году белые хозяйничали.

Ставропольцы обзревали необъятную картину страны: незнакомые далекие города, великое множество сел, неоглядные степи, леса, реки, бесприютные люди... И жестокие слова «война», «голод», «разруха», к которым дома ухо стало было привыкать, зазвучали в полную силу их потрясающего смыслового значения.

На одной из остановок Иван Стефанович поинтересовался у подвернувшегося мужика в стоптанных лыковых лаптях:

— Почему, браток, земля пустует?

— А чем же ее обрабатываешь? —

досадливо ответил тот.— Ни скотины, ни семян... Сами лебедой опасаемся. К весне Советская власть сулит подмогу. Тем и живы. Поляки, слышь, мира запросили. Глядишь, подмога и выйдет к весне.

«Может, теперь не будут с крестьянства семь шкур сдирать» — по-своему отнесся Борода к перемирию с Польшей.

Увиденное и услышанное все больше склоняло Бороду к одной мысли: «Сколько же надо трудов, чтобы преодолеть разруху! Нет, не дожить мне, не увидеть страну в полном здравии. Да и будет ли это когда? Разоренным и голодным городам и селам нужна подмога, как дождь иссушенной пашне. Без этого им не встать на ноги. Только зачем же рубить сук, на котором сидишь?»

Продразверстка да продразверстка. Эх, повидать бы Ленина, посмотреть бы, какой он из себя, да про все рассказать ему, не кривя душой! Разве можно в такое время кривить душой?! И рассказал бы, случись только свидеться! А там уж будь что будет... Тот ли он человек, кому суждено направить разлившуюся реку

народную в надежное русло?»

Глава пятая

МОСКВА

1.

В Красную столицу ставропольцы прибыли во второй половине октября. Более двух недель пробыли в пути следования.

— Здравствуй, матушка Москва белокаменная!— выкрикнул Белозеров, когда поезд уже въехал в город.

Все делегаты сгрудились у раскрытых дверей вагона.

Драгоценный груз доставлен в полной сохранности.

Москва приняла специальный продовольственный маршрутный поезд на первый пассажирский путь Казанского вокзала.

Кому случилось быть в это время на вокзале, — все шумно и радостно приветствовали посланцев степной губернии далекого Юга.

Среди встречавших был худощавый мужчина лет сорока, одетый в красноармейскую форму. Он отрекомендовался представителем Наркомпрода. Благодарно пожали руки делегатам ставропольских крестьян представители Московского комитета РКП (б) и городского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Прозвучали слова приветствий: «Московские рабочие не забудут дар ставропольских крестьян. Дорогие гости столицы, будем общими силами ковать счастье трудящихся!»

Встречавшие осмотрели эшелон. Все 19 вагонов подарков были переданы в распоряжение Народного комиссариата по продовольствию. Тотчас, с разрешения делегации, 5 вагонов отправили голодавшим ткачам в Иваново-Вознесенск, а 14 вагонов переданы Москве.

Короткий северный день догорел. Быстро сгущались сумерки... Уже ночь окутала Москву, когда делегация с вокзала направилась в город. Для нее было подготовлено жилье в центре. В гостиницу ехали в трамвае.

Столица встретила гостей осенней распутицей. Сквозь хмурую туманную едву пробивались расплывчатые электрические

огни. Низкое московское небо обволакивали плаксивые тучи. Стояла промозглая погода глубокой осени. В сыром воздухе пахло снегом.

— Кто в шубе в Москву приехал, тот не прогадал, — сказал Борода, застегиваясь на все крючки.

2.

В трамвайном вагоне все время менялся народ: одни садились, другие выходили. По-всякому одетые мужчины, женщины разных возрастов, дети-школьники с сумками за плечами и с узелками книг.

Иван Стефанович присматривался к людям, вступал в разговоры. Прямой и откровенный мужик Борода, а с хитрецей: ему хотелось стороной выведать про московские порядки, а не только узнать об этом у официальных лиц.

И вот он видит: много желтолицых, тощих, с ввалившимися щеками до такой степени, что скулы сводило. Голод наложил свою печать на облик людей.

«Да, и без слов ясно, как голодно тут живет народ, — подумал Иван Стефанович.— А, видать, люди все при деле».

Рядом с Иваном Стефановичем сидел пожилой мужчина в замасленном бобриковом потрепанном полупальто. Его иссинябледное лицо и бронзового цвета сильные узловатые руки были худы настолько, что казалось, будто прямо на крупные кости натянута кожа. И по всему видно — рабочий человек.

«Этот знает, что такое тяжелая работа да голод, — подумал Борода. — От этого рабочего только и осталось, что кости да кожа».

— Здесь живете или как? — вкрадчиво поинтересовался Иван Стефанович.

— А то где ж?.. Наш брат здесь нужен!— охотно отозвался рабочий, его челюсти выразительно задвигались, а в углубившихся глазах блеснула улыбка, очевидно вызванная «деревенщиной», вкрадчиво задающей вопросы. — Здесь родился, здесь вот и сейчас... А что?

— Да так... И работа есть или как?

— Этого хоть отбавляй... На работу не жалуемся. Сам я слесарь. На Московско-

Казанской все паровозы ремонтируем. Работе, папаша, и конца не видно. Ничего, постепенно справимся и с разрухой.

— Ну, а ежели... Насчет харчей как?

— Не без того... Ведь при Советской власти живем. Порядок известный. Тем, кто хорошо работает, без разговоров каждый день полфунта настоящего хлеба выдается. Да еще в столовой советский обед, будьте любезны... Конечно, если кто от работы бегают, ну, кто-нибудь там из буржуев каких или их прихвостней, тем шиш под нос. Жизнь, папаша, быстро входит в свою колею.

— И в революцию, стало быть, не худо живется? — Иван Стефанович плутовато повел глазами в сторону земляков: нашел, дескать, чем выхваляться — полфунтом хлеба...

— Нет, не всегда... В прошлом году, ой, как худо было. Деникинцы в Орле... До собак и кошек добрались... Голод унес на тот свет многих. Детей вот жалко... И сейчас еще не до жиру, как говорится, быть бы живу. Но теперь всякому видно, что к лучшему идет дело. Только бы поскорее барона Врангеля укокошить! Польские паны уже попятились... Вот тогда настанет хорошая жизнь! Всего будет вдоволь — и хлеба, и картошки, и мяса, и сахару, и материи разной. Ешь, пей — чего только душа захочет...

«Так, значит, и кошки и собаки... — в душе ужаснулся Иван Стефанович, но вида не подал. — То-то я их и не видел по большим городам».

Земляки прислушивались к беседе Бороды с рабочим. Варвара Фоминична приветливо улыбнулась москвичу. Ее обрадовало то, что столичный рабочий, измученный голодом и холодом, не утратил бодрости духа, уверен, что разруха будет побеждена, как и все враги молодой Советской республики, что скоро будет вдоволь продовольствия.

Ивану Стефановичу тоже по душе была вера рабочего в лучшее будущее. Хорошо говорит! Да ведь говорить-то все можно. Язык — он без костей...

— Как же ее загодя-то узнаешь, какая она, жизнь, будет впереди? — промолвил он так, будто сам с собой

рассуждал, привычно приглаживая бороду. — Все под богом ходим...

— Ну, уж это мы знаем как свои вот пять пальцев, — с достоинством произнес рабочий. — Сам Ленин говорил. Уж он-то знает! А боги нам, извиняюсь, папаша, не подмога...

Борода круто всем корпусом повернулся к собеседнику.

— Ленина, стало быть, видел? — живо полюбопытствовал Иван Стефанович. — К нему, что ли, заходил или как?

Рабочий улыбочиво окинул своего случайного попутчика добродушным взглядом, который выражал: «Понятно — деревенщина».

— Если, папаша, все начнут так вот просто заходить к Ленину, когда ж ему и страной править, — возразил он. — Во всей республике сколько жителей — миллионы и миллионы. Одних городов тысячи, а деревень — кто их когда считал... А Ленин — один на весь мир! Вот и сообрази, что получится, если со всего белого света попрутся к нему все, кому только вздумается... Конечно, у кого есть какое важное дело, тот дойдет и к самому Ленину. Бывали у него и мужики...

«Й я до Ленина дойду!» — твердо решил про себя Борода.

— Да-а... — понимающе крякнул Иван Стефанович и запустил в бороду всю пятерню, как бы расчесывая ее. — Я сам в газетах читал, что он любит встречаться с ходоками от крестьян... А тебе-то как привелось свидеться?

— Очень просто. Видел я Ленина вот по какому случаю, — степенно пояснил не без гордости рабочий. — Сказать правду, не только я его видел, но и работал с ним вот так рядом. На субботнике мы с ним были вместе. Вот такое, папаша, дело... Очень он одобряет, когда рабочие после своей смены еще остаются поработать. Иначе, говорит, разруху не одолеть. Владимир Ильич сам носил шпалы... В борьбе за новую жизнь, говорит, нам не на кого надеяться, как только на свои собственные силы. Своими руками, говорит, построим новый счастливый мир на земле. И работать, я тебе скажу, Ильич горазд!

«Ишь ты, Ильичем называет, будто он ему

родня какая или отец родной, — заметил Борода. — Видать, Ленин в уважении живет в Москве».

— А из себя-то какой же он? Должно, богатырь?

— Какой! Нет, не богатырь. Роста небольшого, как вот и я. И так, обыкновенный из себя человек. Простой такой, обходительный. Говорил со мной, вот как и мы с тобой. Только человек он, это уж по всему видать, ума первейшего. Ум у него необыкновенный — это да. Иначе бы державу не повернуть... Далеко видит! Вождь настоящий! И все на рабочих и крестьян опору делает... Да я не знаю, есть в Москве такой завод, куда бы Ильич не наведалься к рабочим. И в деревнях часто с мужиками про ихнюю жизнь ведет разговоры. К народу у него большая тяга. А главное, сам порядок блюдет во всем. Он ведь, папаша, тоже получает паек, как вот, скажем, я, и ни-ни сверх того. Сам строго-настрога запретил прибавку там всякую деньгами или чем-нибудь из еды. Одним словом, Ленин такой человек: и горе и радости — все делит с трудящимися. Вот оно что... Где ж это видано, чтобы такой вождь да правду от народа утаил. Вера ему от нас полная! Наш человек! В правильную сторону Россию направил! И уж раз он, запомни мои слова, папаша, что сказал — тому непременно быть! Это уж мы проверили за революцию. Всякое бывало... Борода с завистью смотрел на рабочего: он видел Ленина! Вот бы и ему, мужику из далекого Ставрополя, судьба удружила повстречаться с Лениным... «Сам Ленин рабочим пайком живет. Да как же это так? Голод — не шуточное ведь дело».

3.

Вот и гостиница. Домина такой, что в нем чуть ли не всех жителей села Александровского можно бы поместить. Шли, шли. Один этаж, другой этаж, третий. А потом чуть ли не с версту по коридору... И всюду встречают как старых знакомых, которых наконец-то, дождались. Хоть и притомились ставропольцы за долгую дорогу, а на душе хорошо, празднично... После двухнедельной поездки в эшелоне, беспокойного сна на соломе, разостланной на полу тряского

товарного вагона, — какое наслаждение лежать в кровати на белоснежной постели! Да еще после городской бани.

В просторной комнате шесть железных кроватей. На них ватные матрацы, чистые простыни, пуховые подушки, шерстяные одеяла. Чего же еще желать? Отрада!

Вскоре со всех сторон до слуха Ивана Стефановича донеслось блаженное похрапывание. Но заботливому Бороде и сон не в сон.

Долго Иван Стефанович ворочался с боку на бок. Виделось родное село... Суровые лица мужиков, опрашивавших о будущей жизни... Ставрополь, в тревоге за ход продразверстки... Бедствующие люди на станциях... Разрушенный Воронеж... И снова Александровское... Большая Феня... Сыновья... Жолтик, бросившийся под ноги... Куст перекасти-поля с омерзительной харей Архипа Дудкина... Бесконечная дорога... Трамвай... Московский рабочий, видевший Ленина... Улица Москвы...

«Буду жить в Москве до тех пор, пока не увижу Ленина! — в потоке дум родилось твердое решение в голове Ивана Стефановича.— Он самый главный у большевиков. Ему и крестьянское столпотворение разбирать. Пусть казнит или милует, но я всю правду ему выскажу, как на духу... Земляки на Ставрополье ждут нас, ждут законную жизнь по всей справедливости... Когда же она воцарится на земле?»

Уснул Борода перед рассветом.

Глава шестая

КРЕМЛЬ

Проснулся Иван Стефанович позже всех, с покрасневшими слипающимися веками, с всклокоченной бородой... Все земляки уже были на ногах. За сколько дней по-настоящему отдохнули, отмылись. Как не посвежеет лицом! Улыбки не сходили с лиц... Один Иван Стефанович был угрюм и чем-то очень озабочен.

Утром в гостиницу явился тот самый представитель Народного комиссариата по продовольствию, который встречал на вокзале и сопровождал ставропольцев в город. Он любезно расспрашивал:

— Хорошо ли спалось? Понравилась ли Москва?

— Спали как в раю, — всех опередила Варвара Фоминична. — А Москва хоть кому понравится... Только мы ее почти не видели еще.

— Ну, это не беда,— обнадеживающе сказал, представитель, расправляя гимнастерку под туго затянутым ремнем. — У вас будет время осмотреть столицу со всех сторон, если захотите... А что бы вы хотели видеть в Москве?

— Все!— сразу выпалила Варвара Фоминична, и ямочки углубились на разудававшемся лице.

Расхохотались все.

Борода многозначительно откашлялся в кулак. Он счел момент подходящим, чтобы спросить о том, что его все время заботило и чего он хотел так, как ничего другого за всю свою жизнь:

—А можем ли мы увидеть Ленина?

Все притихли, чтобы слышать ответ.

В глазах остальных ставропольцев наркомпродовец прочел то же желание. Он как-то особенно весело улыбнулся, после чего всякому стало ясно: он, похоже, предвидел этот вопрос и даже будто обрадовался тому, что это его ожидание сбылось.

—Я, собственно, за тем и явился, чтобы сообщить вам, что Владимир Ильич Ленин приглашает всех вас к себе в гости,— весело проговорил он.— Владимир Ильич уже знает, что вы в Москве и ждет вас у себя. Так что Ильича не только можно видеть, но он сам выразил желание принять ставропольцев как дорогих гостей и лично познакомиться со всеми вами.

Пауза. Обмен счастливыми взглядами. Молча ведь можно так много сказать! Самое главное, то, что больше всего волновало делегатов, — удастся ли повидаться с Лениным?— решается так просто. И об этом побеспокоился сам Ленин! А что может быть радостнее: Ленин зовет в гости! Одно это может на всю жизнь сделать человека счастливым. Именно об этом каждый из ставропольцев явно и тайно мечтал столько дней и ночей, как о самом заветном. И этой мечте суждено сбыться!

«И этот зовет Ленина запросто Ильичей,—

отметил про себя Борода.— Выходит, многим он как отец родной».

Минуты радостного замешательства. К такому счастью надо привыкнуть! Кто сидел, поднялся и заходил туда-сюда по комнате. Разве теперь усидишь! На глазах женщин блеснули благодарные слезы. Да и мужчины обнаружили необычную взволнованность: вытащили кистеты, принялись вертеть сигарки... А Иван Стефанович еще больше насупил, на широком лбу пролегли глубокие морщины, глаза настороженно забегали. Сквозь радость вдруг пробился испуг.

—В гости к... Ильичу? Это хорошо! — он осанисто распрямился, обеими руками с боков оправил распушившуюся по груди бороду.

— В гостях у Ленина побывать — это хоть кому большая радость. Только у нас к нему важное дело есть.

Иван Стефанович помолчал, сохраняя озабоченную серьезность, затем подчеркнуто добавил:

— Разговор серьезный. Удобно ли в гостях затевать такое? Боюсь, как бы...

— Владимир Ильич уважает серьезные разговоры, — одобрительно сказал представитель. — В гостях у Ильича и расскажете обо всем.

«Обо всем?..» — Иван Стефанович тяжело вздохнул, борода снова распушилась. Так что же, взять да и сказать ему прямо: «Тяжело стало жить в деревне! Хлеборобы недовольны продрозверсткой... И коммунию не желают... Через то мало земли засеять стали... Домашний скот режут налево и направо... Скоро все голодать будем!» Вот так, что ли, и отрезать ему правду-матку? Высказать все, что накопело на душе? Только как он посмотрит на все это? Не прогневется ли? В селе Александровском — бывали такие случаи — за подобные слова по голове не гладили... Оно и тут еще могут схватить за шиворот и расстрелять как контру. Да уж, видно, чему суждено быть, того не миновать. Ну, что же, приму кару, раз так»...

Представитель между тем рассказал, что Ленин очень занят делами. Следит за разгромом барона Врангеля: хлопчет о

переброске войск, об оснащении их артиллерией для решающего удара. И в то же время много внимания уделяет налаживанию мирных отношений с Польшей. Вместе с тем будто целиком поглощен вопросами электрификации РСФСР. С учеными обсуждает план строительства по всей России электростанций. Ежедневно специалистов приглашает, подробно беседует с ними. А недавно Ленин горячо доказывал английскому писателю Герберту Уэллсу, которого на несколько дней раньше ставропольцев принимал в Кремле, что Советская республика скоро покроется густой сетью электрических станций...

2.

21 октября... Наконец настал долгожданный час, когда крестьянская делегация Ставропольской губернии шагала по мощеному двору Московского Кремля. Вот и здание, где живет и трудится Ленин. Уже вошли в узкий коридор, в который открывались двери из кабинета и квартиры Владимира Ильича...

Не без опасливой робости передвигал вдруг отяжелевшие ноги Иван Стефанович, отстаив несколько от земляков. Почувствовал холодок сердцем: шутка ли, приближалась самая значительная минута всей его жизни! Все короче становился шаг, все глуше поступь. Сердце колотилось учащенно...

Было в этом молчаливом шествии что-то приподнято-взволнованное и торжественное. С трепетом и замиранием сердца шли...

И вдруг распахнулась дверь.

На пороге появился среднего роста коренастый мужчина лет пятидесяти. Он, подвижный и быстрый, одну руку вложил в карман брюк, другой пальцами зацепился за край жилета под мышкой; полы черного пиджака распахнуты. Он приветливо улыбался гостям.

Это была особенная улыбка человека, облик которого лучезарно сиял. Все в нем живо бросалось в глаза. И приподнятая голова с высоким лбом, и пронизательные карие глаза под широкими густыми бровями, и аккуратно подстриженные усы, и заостренная рыжеватая бородка,

выдававшаяся слегка вперед.

«Да это же Ленин! — мелькнуло в голове Ивана Стефановича. — Очень схож с портретами... Сам встречает! И по всему видно, что от души радуется, будто пришли к нему родные или давно знакомые друзья».

— Прошу вас ко мне, товарищи, — добродушной скороговоркой пригласил делегацию Владимир Ильич.

Каждого, кто переступал порог его кабинета, Ленин приветствовал крепким пожатием руки. Делал он это по-своему ласково: обеими руками брал руку гостя и дружески тряс.

— Очень рад, что мне довелось с вами познакомиться, товарищи, — говорил Владимир Ильич.

Когда в кабинет вошли все, Ленин сам каждому гостю пододвинул стул, позаботился, чтобы делегация удобно расселась.

Иван Стефанович последним переступил порог. Владимир Ильич любезно усадил его рядом с собой.

Гости хозяйским глазом осматривали рабочую комнату вождя революции. Посредине стоит большой письменный стол, за которым работал Владимир Ильич. К нему приставлен еще один стол для посетителей. С боков и позади письменного стола — шкафы, забитые книгами.

Ленин сел за своим столом на простое плетеное кресло.

«Обыкновенная комната и мебель, — отметил про себя Иван Стефанович. — Не то что роскоши какой, а совсем нет ничего лишнего... Так вот какая комната, где решаются судьбы России!»

Да, Ленин здесь со своими товарищами обсуждал дела Советской республики. За этим столом рассматривались планы разгрома врагов революции. Отсюда получала приказы Красная Армия и громила белогвардейские полчища и войска интервентов 14 государств. В этой комнате разрабатывались законы новой жизни. Сюда приходили со своими думами и нуждами рабочие и крестьянские ходоки, ученые, военные. И вот он нашел время и для ставропольских гостей...

С минуту Ленин, простодушно улыбаясь,

проницательно всматривался в лица гостей. Встретился глазами с Иваном Стефановичем.

«Нет, с таким не шукаешь,— подумал Иван Стефанович. — Так всего и пронизывает взглядом. А лицом бледный. Харчи незавидные, а работы сколько...»

Белозеров от волнения ерзал на стуле. У него слезы на глазах: он, комбедчик, громивший по указаниям коммунистической партии и ее вождя Ленина контрреволюцию в далекой Терновке, видит самого Ленина! Выхватил из кармана кисет и трясущимися руками стал мастерить козью ножку.

Варвара Фоминична вовремя толкнула его локтем и близоруко сощуренными глазами указала на стену печки, на которой висела табличка: «Не курить!» Белозеров быстро припрятал кисет и еще больше сконфузился, принялся теребить вислые усы: надо же дать рукам работу...

—Очень хорошо, что пришли, товарищи, ко мне,— проговорил Ленин тоном человека, который основательно устал, а теперь вот в кругу близких ведет задушевную беседу.

—Как вам ехалось? Все ли здоровы? Как вы устроились в Москве? Что интересного в ставропольских селах? Все рассказывайте, прошу вас очень, товарищи. Гости, опережая друг друга, звонкоголосо рассказывали о своей поездке, о сборе продовольствия, о жизни села.

—Подарки, Владимир Ильич, привезли рабочим и детям Москвы,— похвалилась Варвара Фоминична, выложив на колени блокнот и карандаш: «Записать, чтобы не забыть слова Ильича».

Ленин внимательно слушал всех, а после сообщения Варвары Фоминичны вдруг прищурил глаза под нахмуренными бровями.

—А не штыками ли собраны эти подарки?— с пристрастием допытывался он, обводя всех изучающим взором, а у самого глаза искрились смешинкой.— А то ведь наши враги, внутренние и внешние, на весь свет трезвонят, что мы, большевики, держимся будто бы у власти насильем, что штыками продотрядчиков добываем себе пропитание... Как у вас было дело,

товарищи?

Делегаты наперебой безудержно зашумели:

— Нет, что вы!

— Как же так...

— Сами собирали, Владимир Ильич.

—Подарки наши рабочим от души!

—Для детей от всего сердца...

Владимир Ильич привычно чуть склонил голову набок, с интересом слушал возражения.

— Я так и думал, товарищи,— оказал Ленин, и улыбка с его лица так же незаметно исчезла, как и появилась.— Без широкой поддержки народных масс нам не одолеть бы врагов революции. Пусть враги наши тешат себя клеветой. А мы пойдем своей дорогой вперед.

— Ставропольские крестьяне много пролили крови за Советскую власть,— встала взволнованно Варвара Фоминична; ее полное лицо зарделось как кумачовая косынка.— И вот продуктами помогаем центру.

— За такую помощь московские рабочие скажут вам большое спасибо, товарищи,— живо произнес Ленин.— А вас я, товарищи, прошу передать ставропольским крестьянам мою личную благодарность за заботу о пролетариате столицы и детей.

Прошли первые минуты беседы, и гости почувствовали себя так, будто им уж не привыкать говорить с Лениным. Владимир Ильич сидел, опершись локтями о стол, и сердечно расспрашивал, как живет на Ставрополье. Гости наперебой отвечали. Говорили главным образом о хозяйственных делах. Ленин с одинаковым вниманием слушал каждого. Он вел так беседу, чтобы все могли высказаться до конца. При этом весь облик вождя, казалось, излучал какую-то особенную человеческую теплоту, которая согревала сердца и просветляла души. Общительность Ленина, его простота создавали благоприятную атмосферу для откровенного разговора. Скоро «развязались языки». Крестьяне напрямик говорили о своих заботах и нуждах. Один вопрос следовал за другим.

—В селе нашем больше таких крестьян... довольных Советской властью,— сказала

Варвара Фоминична, ее полное лицо, почему-то вспотевшее, снова вспыхнуло кумачом.— Особенно женщины довольны, что они равноправны теперь во всем... Мужики одобряют, что землю отобрали у помещиков. Теперь вся беднота и иногородние с землей... Но отчего все же так трудно жить? Конечно, мы понимаем— война за войной... Но кто виноват, что в села, ну, нисколько не доставляется мануфактуры, керосина, спичек, сахара, соли, мыла? И какая-то тревожная жизнь... Когда все это кончится?

—Ни плуга, ни бороны нигде не купишь, — торопливо добавил терновский мужик Белозеров.— Как же хозяйствовать? Земли вволю, а инвентаря, тягла у бедноты мало. Спариваемся...

Ленин понимающе кивал головой.

—Дело вот в чем. Всем нам надо понять, что наше благополучие зависит прежде всего от нас же самих,— сказал Владимир Ильич.— Все необходимое у крестьян будет, лишь бы крестьянство активно помогло преодолеть разруху и разгромить врагов Советской России. Международный империализм еще раз попытался задушить революцию, бросил на нас панскую Польшу и барона Врангеля. И эта их ставка бита! С Польшей мы уже заключаем мир. И последний царский выкормыш — барон Врангель будет вот-вот разгромлен. Это дело можно считать решенным.

Делегаты сидели не шелохнувшись, боясь проронить хоть одно слово вождя. Варвара Фоминична, склонив голову низко-низко, что-то писала.

Владимир Ильич на миг остановил взгляд на Варваре Фоминичне и задумчиво прищурил глаза.

—В кровавой войне буржуазия не осилила рабочих и крестьян, взявших в свои руки оружие, чтобы защитить завоевания революции, — продолжал Ленин.— Наши враги теперь надеются на своего союзника — голод. Они злорадствуют в надежде, что костлявая рука голода задушит Советскую республику. И этой их бесчеловечной надежде не суждено сбыться! Правда, положение в нашем государстве продолжает оставаться все еще архисложным. Вы проехали большую часть

страны и своими глазами видели жизнь на местах. Но Советское правительство уверено, что с помощью крестьянства мы справимся и с голодом. Крестьянство должно знать, что теперь для упрочения нового строя нужен хлеб, еще хлеб и еще раз хлеб! Борьба за хлеб — это борьба за социализм, то есть за новый мир для трудящихся людей.

Тут Иван Стефанович отважился наконец-то высказать и свои выстраданные думы.

—Крестьяне всегда не прочь помочь правительству, да... смущения есть всякие... Продразверстка всему заковыка,— выпалил он одним духом и остолбенело застыл в позе человека, который за свою дерзость ждет самую страшную на земле кару.

Все замерли в ожидании: что будет дальше?

Ленин не спешил с ответом. Он слегка и как-то настороженно приподнял голову, широкие брови сбежались к переносице, борода еще сильнее выдалась вперед, губы сосредоточенно поджались, а глаза выжидающе уставились на Ивана Стефановича. Всем своим видом Ленин как бы говорил: «Что ж вы умолкли, товарищ? Я вас слушаю. Поднятый вопрос меня очень интересует. Продолжайте».

Но Иван Стефанович молчал, не находя в себе сил больше говорить, язык будто прирос к нёбу.

—Ну, так как же нам быть? — Владимир Ильич прервал непредвиденную паузу.— Что же вы, товарищи, предлагаете?

—Продразверстка мутит мужиков,— снова обрел дар речи Иван Стефанович, едва ворочая онемевшим языком.— Она крестьянское хозяйство к разрухе ведет...

—Мысль понятна,— подхватил Ленин.— Вопрос этот архиважный. Как же его разрешить, товарищи? К продразверстке Советское правительство вынуждено было прибегнуть в силу сложившейся обстановки. Война с контрреволюцией внутренней и внешней заставила нас экстренно позаботиться о хлебе для Красной Армии и рабочих заводов и фабрик. Заготовка хлеба по разверстке очень нужна была. Буржуазия, навязавшая нам войну, вынудила нас ввести государственную монополию на хлебные

ресурсы. Другого выхода тогда у нас не было. Так вы думаете, товарищи, что теперь продразверстка будет вредить развитию сельского хозяйства? Почему? Вопрос о продразверстке стал центральным всей беседы. Владимир Ильич не только не разгневался на «занозистый» разговор, но сам с большой охотой поддержал его, проявив живой интерес к нему.

Ленин в свою очередь задал делегатам много вопросов. Что и сколько сеют ставропольские крестьяне? Почему уменьшилась посевная площадь? Хватает ли тягла для обработки земли, у кого оно есть, а у кого его нет? Не уничтожают ли крестьяне скот, птицу?

Вся делегация, кто как мог, отвечала на эти вопросы.

Владимир Ильич отыскал на столе какую-то бумагу и быстро сделал в ней запись.

—Ну, хорошо,— снова начал Ленин, заканчивая писать.— А чем же нам прикажете, заменить продразверстку?

У Ивана Стефановича, как и у всей делегации, не нашлось готового предложения. С минуту помолчали.

— А не лучше ли было бы так?— продолжал Владимир Ильич.—

Крестьяне, скажем, в порядке налога сдают часть урожая государству, чтобы оно могло снабжать Красную Армию и рабочих хлебом, а остальной продукцией распоряжались бы по своему усмотрению. Конечно, налог должен быть, меньше полагавшейся до сих пор продразверстки. Как вы, товарищи, об этом думаете? Так лучше? Какое ваше мнение? Почему лучше?

— Надо, чтобы хозяин знал, что и он... хозяин своего хозяйства,— уже смелее прежнего проговорил Борода.— Тогда интерес будет. И мужик старательно станет работать. И уж не даст зря гулять земле. Не потерпит будяки на пашне. А потом, чтобы...

Иван Стефанович оборвал свою речь на полуслове, вдруг обеими руками ухватился за бороду, заколебался: стоит ли обо всем говорить? Того и гляди еще прогневишь... Но внутренний голос подсказывал ему: «Раз уж начал высказывать наболевшее, то освобождай от него душу до дна. Из песни

слова не выкинешь. А там что уж будет!»

Ленин выжидающе смотрел в глаза Ивана Стефановича: «Вы что еще хотели сказать, товарищ?»

—...Чтобы коммунией не стращали крестьян, — собрался наконец-таки с духом.

Иван Стефанович и досказал, что его тревожило.

Ленин весело расхохотался от этих слов, глаза его прижмурились, смеялся он так заразительно, что и делегация не удержалась от смеха, хотя не все сразу поняли, над чем, собственно, смеются.

—Коммунией, говорите, не стращать, — повторил сквозь смех Ленин.

Варвара Фоминична, улыбаясь, послала Ивану Стефановичу глазами упрек: «Вот уж не из тучи гром!» — и руками изобразила какие-то знаки, чтобы он, мол, не срамил делегацию.

Владимир Ильич так же мгновенно, как и расхохотался, снова вдруг с задумчивой серьезностью прищурил глаза.

—Коммуны — это, товарищи, не пугало, придумали большевики. Они нужны крестьянам для их же пользы: люди в деревне должны лучше жить, большую часть тяжелой работы постепенно перекладывать на машины,— сказал Ленин с твердостью человека, непоколебимо убежденного в своей правоте.— Так что идея кооперирования крестьянского хозяйства правильна. Рано или поздно крестьяне будут переходить к общественному хозяйству. Это неизбежно. Нужны только определенные условия. Вот если бы Советская власть могла дать немедленно сто тысяч первоклассных тракторов и снабдить их бензином, да посадить управлять ими опытных машинистов! — Ленин говорил, мечтательно глядя в окно, словно хотел оглядеть широкие просторы Родины.— Конечно, вы прекрасно знаете, что пока — это фантазия. Во всяком случае Советская власть никакого насилия над средним крестьянством применять не будет. Объединение должно совершаться только на добровольных началах. Вредная глупость—насильно что-то навязывать среднему крестьянству в хозяйственном

отношении. Такой грешок кое-где на местах допускается отдельными работниками. Это большое зло. И мы его будем самым решительным образом пресекать. Другое дело, повторяю, если бы у нас были эти самые сто тысяч тракторов, то, уверяю вас, что основная масса крестьян, а это главным образом крестьяне-средняки, сказала бы: мы за «коммунию». Пока, говорю, это — фантазия. Но вот увидите, придет такое время и эта фантазия станет былью. И тогда деревенская беднота окончательно освободится от эксплуатации богатеев. Безусловно, советское крестьянство скоро, очень скоро будет жить без нужды и культурно.

Ленин снова что-то записал на том же листке бумаги.

— А что касается продналога, то к этому, пожалуй, у нас дело идет,— произнес он, не отрываясь от бумаги.

Иван Стефанович, высказав наболевшее и почувствовав, что ему за это не грозит никакое наказание, заметно повеселел: свалился тяжелый гнет с сердца. Он пристально всматривался в Ленина, стараясь на веки вечные запомнить лицо вождя. Его до глубины души тронула обходительность Владимира Ильича, сердечность в отношениях к простым людям, задушевность беседы. Как он знает нужды крестьян! «Всю Россию насквозь видит. Чует, как бьется хлеборобское сердце». И особенно врезалась в память мужика его манера разговаривать: Владимир Ильич не просто расспрашивал, задавал вопросы, а как бы совещался с делегацией, обменивался мнениями с ними, простыми ставропольскими крестьянами, советовался. Ему очень важно было знать, что думают сами крестьяне о том, как лучше повести дела в крестьянском хозяйстве. И о продразверстке, и о «коммунии» так ясно рассказывает...

«Значит, слово у Ленина твердое,— заключил Борода.— И сейчас стоит на том, о чем говорил в своем докладе весной девятнадцатого года... Никакого насилия над средним крестьянством. И о тракторах та же думка... Будут тракторы — тогда, может статься, крестьяне и в коммунию войдут. Кто его знает, как оно там будет... Это,

действительно, народный вождь! Да, за Лениным народ пойдет в огонь и в воду! Нет, никакой буржуазии не одолеть Советскую Россию!»

И тут же Ивану Стефановичу пришла в голову еще одна радостная мысль: Ленин ведь, если вдуматься, так вел разговор о продналоге, будто он уж разработал новый закон, а теперь только проверял: правильно ли подошел к делу? Продналог, конечно, не сравнить с разверсткой...

—С продналогом оно бы крестьянские дела пошли веселее,— уверенно высказался Иван Стефанович, вполне осмелевший.— А то что получается? Крестьяне по разверстке сдают пшеницу, а им за хлеб — деньги. Деньги те из плохой бумаги: день-два поносишь в кармане и уже как старая тряпка. Да главное ведь то, что ничего за них не купишь на селе. Стало быть, надо, чтобы и рабочие побольше всяких товаров производили для деревенского обихода. Тогда мужики не будут в обиде на Советскую власть. А сейчас нам город ничего не дает, только шлет продотрядчиков...

—Истинная правда,— поддержал Бороду безопасенский мужик, все сидевший молча, Грамков.

—Есть такое,— вставил и Белозеров.

Владимир Ильич всех внимательно выслушал.

—Советская власть не останется в долгу,— энергично заверил Ленин,— ибо это власть рабочих и крестьян. Но сейчас город очень нуждается в помощи со стороны деревни. У рабочего класса много неотложной, тяжелой работы по борьбе с разрухой. И он надеется на поддержку своего союзника — крестьянства.

Ленин обвел взором делегацию, словно тем хотел предупредить, что он отвечает не только Ивану Стефановичу, а говорит для всех.

—Создавать новый общественный строй дело архитрудное,— продолжал Владимир Ильич.— Царя мы прогнали за несколько дней. С помещиками разделались за несколько месяцев. И капиталистов нетрудно прогнать. Но классы рабочих и крестьян остаются. Уничтожить разделение на классы — это,

товарищи, несравненно труднее. Во всяком случае мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы с каждым днем укреплялся союз рабочих и крестьян.

Борода утвердительно кивнул головой: ему очень нравилось слово «союз».

— Нетрудно понять,— развивал свою мысль Ленин,— если крестьянин сидит на отдельном участке и присваивает себе лишний хлеб, то есть хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается в эксплуататора. Чем больше он оставляет себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «Чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб».

— Такие есть и в нашем селе,— вставила Варвара Фоминична.— Кулаки Кургузов, Дудкин, Кашенко, Чумаков придерживают хлебные излишки... Владимир Ильич энергично выбросил руку в сторону Козловой, как бы ссылаясь на ее свидетельство.

— Ну, вот видите,— сказал Ленин.— И в Ставропольской губернии такие явления есть. Есть они всюду. Таков уж порядок вещей. А что, товарищи, получается в результате? Гибнут люди здесь, в Москве, и в Петрограде, тогда как на Украине, на Северном Кавказе и в Сибири мы имеем неслыханные богатства, которые могут накормить голодных рабочих и восстановить промышленность. Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это сделать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат перевоспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются за счет нужды остальных.

— Кулаков мы поприжмем! — нетерпеливо заявил Белозеров.— Есть у нас такие живоглоты. Они-то и мутят мужиков, сопротивляются Советской власти. Это их брехни про коммунию...

Ленин в знак согласия кивнул головой.

— Вот вы правильно говорили о том, что мало у нас товаров фабрично-заводского производства,— снова заговорил Владимир Ильич, когда Белозеров высказался.— Но как сделать, чтобы их было больше, сколько нужно? Нам с невероятными трудностями удалось пустить в ход много предприятий. И что же? А вот теперь мы вынуждены некоторые из них снова останавливать. Почему? У нас не нашлось достаточного продовольственного и топливного фонда. Поэтому рабочие ждут от ставропольских крестьян много хлеба. Советское правительство надеется, что ставропольцы не отстанут от других крестьян страны и сдадут государству хлебные излишки. Пусть ни один трудящийся крестьянин не останется в стороне от рабоче-крестьянского дела, не останется бездеятельным и равнодушным. И поверьте, что при дружных усилиях рабочих и крестьян Россию через какие-нибудь полгода будет нельзя узнать. Советская республика семимильными шагами пойдет вперед. Мы построим новый мир для счастья людей!

— Ставропольские крестьяне не отстанут от других,— уверенно заявил Белозеров.

— На то мы и крестьяне, чтобы свое государство хлебом кормить,— сдержанно добавил Борода.

— А кулачью в зубы не будем смотреть!— выпалила Варвара Фоминична.— Тряхнем ихние закрома.

Ленин, склонившись над столом, снова что-то записал.

Иван Стефанович смело поднял руку: он еще что-то хочет сказать.

— Я вас слушаю, товарищ,— Ленин подался вперед, словно хотел быть поближе к Ивану Стефановичу.

— Ставропольские крестьяне всю жизнь страдают от безводицы.— Борода говорил свободно, совсем уже освоившись в непривычной обстановке.— Пустить воду в засушливую степь — наша давнишняя мечта. В восемнадцатом году Советская власть было уж начала браться за это дело, да война помешала... Пустить бы наши реки в степь! Рек у нас хотя и немного, но

есть такие, что с большой водой. К слову сказать, Кубань... Сколько в ней воды! А зря, считай, пропадает.

Ленин снова оживился.

—Очень важный вопрос,— сказал Владимир Ильич.— Он очень заботит Советское правительство. Действительно, для вашей губернии орошение имеет колоссальное значение. И мы решим этот вопрос, чтобы поднять земледелие и скотоводство на Северном Кавказе во что бы то ни стало. Не трудно предвидеть, что орошение больше всего нужно, оно пересоздаст ваш край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму. И это мы имеем в виду как первоочередную задачу для кавказской стороны.

—Спасибо вам, Владимир Ильич, от ставропольских крестьян за хлопоты о нашей жизни, — растроганно проговорил Иван Стефанович.

И другие делегаты повторили эти слова.

—Ну, вот и хорошо,— сказал Ленин, лучезарно улыбаясь.— Значит, договорились. Еще раз прошу передать ставропольским крестьянам мою благодарность за подарки и надежду Советского правительства, что они не отстанут от других.

Ленин встал. Он обвел гостей вопросительным взглядом: есть ли у кого еще вопросы какие?

Поднялись со своих мест и делегаты. Борода под конец вспомнил про снятые комсомольцами колокола и разбросанные по церкви антирелигиозные листовки и хотел было пожаловаться Владимиру Ильичу. Такое озорство молодежи озлобляет верующих. Но тут же раздумал об этом говорить. «Дело-то не такое уж важное, — вдруг рассудил он.— По другим селам будто такого не случалось. А наша молодежь сама поймет, что это нехорошо... Сам молодым был, тоже вытворял... И еще не известно, что я сам буду делать. Пожалуй, теперь как-то неудобно будет ходить петь на клиросе... Столько людей не верят в бога, да и мне церковь ни к чему. Ходил туда — необходимо же во что-то верить... Теперь надо перестраивать жизнь, как Ленин учит. Работы много — не до

церкви!»

—Вполне мы вами, Владимир Ильич довольны,— взволнованно проговорил дрогнувшим голосом Борода, глаза его повлажнели заметно.— Это я говорю от чистого

сердца! Премного довольны!

Но Ленин уже обратился к Варваре Фоминичне.

— У вас нет очков?— спросил Владимир Ильич.— Так же трудно работать. Вам надо посоветоваться с врачом. Поможем очки вам приобрести. Я распоряжусь.

— Что вы, Владимир Ильич!— вспыхнула кумачом Варвара Фоминична.— Я от рождения близорукая. Уже привыкла так работать. И очки у меня есть. Спасибо вам за заботу...

Ленин стал прощаться. Потом попросил на минуточку задержаться.

—Позвольте. Надо чем-то отметить наше знакомство,— раздумчиво проговорил он, улыбаясь.

А сам тотчас взял из шкафа какую-то папку или альбом и снова сел за свой стол.

Тут все увидели несколько фотографий Ленина: Владимир Ильич сидит за столом в своем кабинете и читает газету «Правда».

Свой портрет Владимир Ильич подарил каждому на память, сделав дарственные надписи.

Борода первым получил фотографию вождя и, держа ее в своих руках, прочел написанное Лениным: «Ивану Стефановичу Черкашину на память. В. Ульянов (Ленин) 21.X—1920 г.».

Глазам своим старик не поверил: «Запомнил, ведь, как зовут, и отчество, и фамилию»,— радостно-взволнованный, с чувством душевной благодарности подумал Борода, смахивая рукавом с глаз непрошенные слезы счастья.

— Ну, теперь за дело, товарищи!— прощально произнес Ленин тоном человека, у которого каждая секунда на строгом счету.— До свидания, товарищи. Очень хорошо сделали, что зашли. Пишите мне, если у вас снова появится какая-нибудь «заковыка»,— при этом он с улыбкой посмотрел на Ивана Стефановича.

Как встретил, так же тепло и ласково Владимир Ильич проводил своих гостей. Теперь Ленин, пожимая руки крестьянам, как уже хорошо знакомых людей называл каждого по имени, отчеству.

«Вот бывают же на свете такие великие люди!— переступая порог ленинского кабинета, подумал Борода.— Нет, недаром его народ Ильичем величает. Любит, как только могут любить люди!»

Глава седьмая ВОЗВРАЩЕНИЕ

1.

Вышли ставропольцы на Красную площадь. Как-то просторнее и светлее стала столица. Сквозь осеннюю непогоду теперь, будто улыбаясь, глядели бесчисленные дома, хотя по-прежнему было хмарно.

Взволнованные встречей с Лениным, делегаты по пути в гостиницу живо обменивались впечатлениями.

Немногим более часа беседовали они с великим Лениным. А как помолодели сердца, как возликовали духом крестьяне!

Они говорили между собой так, как, должно быть, говорят люди, наделенные высшим счастьем, какое только возможно на земле. Да и как же не быть счастливыми? Они видели вождя революции. Гостили у Владимира Ильича Ленина! Беседовали с бессмертным человеком, создавшим могучую партию большевиков. Видели основателя первого в мире Советского государства. Они разговаривали с первым главой республики Советов. И он любовно интересовался жизнью ставропольских крестьян. Великий человек советовался с ними. Сам Ленин ласково пожимал натруженные руки простых мужиков. Как близки ему нужды простых земледельцев!

В руках ставропольцев портреты вождя мировой революции с его собственноручной надписью.

Было от чего стать крестьянам счастливыми до скончания века! То-то уж им будет о чем рассказывать на селе!

Шагая по кремлевскому двору, Борода почему-то вспомнил Ивана Войтека.

«Да, только великий народ рождает таких великих людей, как Ленин»,— мелькнуло в

голове Ивана Стефановича. — Эти слова часто говорил на митингах покойный Войтик... Справедливые слова!»

Задержались у царь-пушки. Потом перешли к царь-колоколу.

«И такие забавы по силам только великому народу», — подумал Борода.

Постояли на Красной площади и около памятника Минину и Пожарскому.

«Им тоже было нелегко,— подумал Борода.— Верные сыны богатырского народа».

— На сердце у меня такая радость, а на душе так тепло! — откровенничала Варвара Фоминична, шагая по мостовой и глядя на зубчатую стену Кремля; она, говоря без умолку, всю дорогу заливалась тем добродушным смехом, каким смеются только счастливые люди.— Не знаю, как и сказать... Ну, будто только что еще раз я на свет народилась, ей богу, правда.

— Да при чем тут бог! — досадливо возразил Борода, чем удивил собеседницу.— Если сам Ленин не верит в бога, значит, нет того бога... И не одной тебе Ленин дал... второе рождение. Ильич и в меня вдохнул новую душу... Действительно народный вождь! И нам жить надо по-новому... Это не то, что при царском режиме. Помнишь, как царь-палач Николай I приказал выпороть казачьих ходоков? А ты еще поминаешь бога.

— Многим нашим товарищам, поставленным народом у власти, следовало бы поучиться у Ленина простоте обращения и приветливости с народом,— проговорил молчаливый здоровяк Грамков.

— Вот это человек! — восторгался Белозеров.— Сколько надо ума, веры в правоту своего дела, энергии, чтобы управлять необъятной Россией в такое грозное время!

— Истинно надежный человек!— с воодушевлением сказал Борода.— Умнейший из людей, и такой простой, заботливый... Насквозь видит страну! И каждого человека примечает... Эге-ге, да, с таким вождем не пропадем! Вот кто указывает надежное русло для разбушевавшейся народной реки! Варвара Фоминична приостановилась.

— Это что еще за река такая? —
полюбопытствовала она.

— Река эта такая, — ответил
Борода. — Мы ее капельки.

Козлова ухмыльнулась:

— На радостях земляк заговариваться
стал...

— А баба так и осталась бабой, —
беззлобно подковырнул Борода Варвару
Фоминичну. — Ей обязательно надо
противоречить. Я говорю: этот человек по
правильному пути поведет! — энергично
сказал Иван Стефанович. Он неузнаваемо
повеселел, будто его подменили. — Слова
Ленина сами в душу так и катятся... Вот
именно: надежный вождь! Россия может
смело доверить свою судьбу большевикам.
Так, значит, у нас с ним того... одна думка.
И он подразверстку побоку...

И впервые за сколько лет Борода стал
напевать вполголоса:

Оседлаю коня,
Коня быстрого,
Я помчусь, полечу
Легче сокола
Через поля, за моря,
В дальнюю сторону:
Догоню, ворочу
Свою молодость!
Приберусь и явлюсь Прежним
молодцем,
И приглянусь опять Красным девицам!

Баритон старика звучал густо, бархатно.
«Ну, распелся Борода. — Варвара Фоми-
нична со смешинкой в глазах посмотрела
на Ивана Стефановича. — Проснулась душа
певуна».

— Как бы не так! — она подзадорила его. —
Отлетал, поди, уж свое.

— Ну-ну, не порти песню! — притворно
рассердился Борода.

2.

В то время как крестьяне шли улицами
Москвы и так между собой разговаривали,
Владимир Ильич Ленин сидел за своим ра-
бочим столом и писал в Наркомпрод
письмо. К нему он приложил опись изделий
промышленности, в которых нуждалась
Ставропольская губерния. Ленин в своем
письме предложил Наркомпроду: дать к

следующему дню заключение о
возможности выполнения просьб
ставропольских крестьян насчет
удовлетворения их потребностей в сельско-
хозяйственном инвентаре и других предме-
тах промышленного производства.

3.

Десять дней пробыла делегация ставро-
польских крестьян в Москве. По приглаше-
нию «всероссийского старосты» Михаила
Ивановича Калинина, она присутствовала
на сессии Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета, утверждавшей
мирный договор с Польшей.

Ставропольцы ознакомились с заводами и
фабриками, беседовали с рабочими и ра-
ботницами. Осмотрели детский приют.
Посетили столичные выставки. Ходили в
театры.

В середине ноября делегация вернулась в
родной край.

В губернской газете «Власть Советов» за 17
ноября 1920 года напечатан подробный
отчет о поездке делегаций под заголовком
«шапкой»: «Ставропольские крестьяне в
Красной Москве». Несколько строк
составили подзаголовки, набранные
крупным шрифтом: «Ленин благодарит
ставропольцев за подарки Москве»;
«Делегация лично убедилась в жизни
центра»; «На фабриках, заводах работа
кипит»; «Лодырей, бездельников нет»;
«Сельскохозяйственные орудия у крестьян
будут».

По свидетельству газеты, ставропольцы «с
удовольствием увидели, что Красная сто-
лица не только стоит на своем прежнем ме-
сте, но и живет, и работает вовсю.

Двигутся трамваи и автомобили, спе-
шат люди.

В учреждениях — занятия, на заводах и
фабриках — производительный труд, в
школах — учение»...

4.

Вернувшись домой, делегаты часто при-
поминали ленинские обещания, которые
сбывались с безукоризненной точностью.
Вскоре был разгромлен и последний
выкормок международной
контрреволюции — барон Врангель.

А с нового года в кооперативную лавку
стали поступать мануфактура, спички,

соль, мыло, керосин.

И ставропольцы не остались в долгу. Сдержали свое слово. С 1 августа 1920 года по 1 февраля 1921 года в губернии было заготовлено 12 528 058 пудов хлеба и отправлено в рабочие центры 9 599 вагонов продовольствия.

Кроме того, в адрес Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина было послано восемь специальных маршрутных поездов с мукой, крупой, колбасой, фруктами.

На хлебных поездах были надписи: «Ильичу — Северный Кавказ».

Борода воспрянул духом. И с обновленной энергией принялся за работу: по поручению комячейки разъяснял селянам взгляды Ленина на пути развития деревни, защищал идею кооперирования сельского хозяйства.

Долго печалили его только два события: Феодосия Стефановна после отъезда мужа в Москву расхворалась еще сильнее и не дождалась возвращения Ивана Стефановича... Ваню Самохвалова кулаки Курсавки подкараулили глухой ночью, когда он искал спрятанный хлеб на подворьях богатеев, и убили из обреза. Мертвому распорол живот и насыпали в него пшеницы. А к груди комсомольца приколоты записку: «Продразверстка выполнена сполна».

...Иван Стефанович не расставался с книжкой Ленина «О продовольственном налоге», вышедшей весной 1921 года. Он был окрылен тем, что ему довелось с Лениным обсуждать этот важный вопрос. Но особенно гордился Борода тем, что еще задолго до выхода ленинской книжки он обсуждал с великим вождем вопрос о продналоге, что у него была «одна думка» с Лениным...

С 1921 года на Ставрополье то тут, то там стали организовываться коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли. Весной крестьяне губернии посеяли хлебов на сто тысяч десятин больше, чем было яровых в 1920 году.

Вскоре были выкорчеваны с народной земли «столпы» кулацкого сопротивления новой жизни. Александровцы расправились пореволюционному с Кургузовым, Кашенко, Дудкиным, Чумаковым...

5.

Вот что мне удалось узнать со слов людей, которым суждено было стать свидетелями памятной ставропольской были и слышать из уст Ивана Стефановича и Варвары Фоминичны рассказы о том, как они гостили: у Владимира Ильича Ленина. Комплекты пожелтевших от времени, но все еще дышащих жаром революции страниц газеты «Власть Советов» тех бурных лет во многом помогли мне документально восстановить, как это было.

Жизнь идет вперед... Ни Иван Стефанович, ни Варвара Фоминична, как и другие члены делегации, не дожили до наших дней, когда советский народ празднует сорокалетие Октября.

Но эти люди по возвращении из Москвы, вдохновленные идеями Ленина, жили и беззаветно работали для расцвета нового строя. Они были в передовых рядах тех, кто, восстанавливал сельское хозяйство, кто боролся за колхозы.

Иван Стефанович Черкашин был одним из организаторов первого в селе Александровском колхоза имени Войтика. Глубоким: стариком он пошел работать в колхоз. Заведовал кролиководческой фермой. Это ему принадлежит мысль разместить ферму в бывшей уездной тюрьме. Самое подходящее для этой цели здание: пол цементный — не подкопают стены кролики. А что на окнах железные решетки — тоже неплохо: сохраннее будет артельное добро...

Варвара Фоминична воспитывала сынов и дочерей колхозников в детском доме.

6.

Вспоминая о том, что было почти четыре десятилетия тому назад, пожилые колхозники, участники незабываемых событий, при этом как бы оглядываются вокруг себя. Они видят огромные перемены.

В селе Александровском культурно трудятся и зажиточно живут люди в колхозах. Земля навечно закреплена за сельскохозяйственными артелями. Стало много всевозможных машин. Потомки гостей Ленина обрабатывают землю тракторами, убирают хлеб комбайнами. В колхозах

удвоился урожай! Кубанская вода потекла по пересохшему руслу Егорлыка. Терек соединяется с Кумой. XX съезд Коммунистической партии дал директиву: из Кубани по каналу пустить воду в Калаус. Засушливые районы Ставрополья получают воду!

Теперь сельская площадь, на которой собирался в путь обоз с подарками Красной Москве, превращена в цветущий парк. На асфальтированных улицах возвышаются столбы электропередач. В домах александровцев вместо керосинок «молния» горят «лампочки Ильича».

Там, где стояла церковь, высится монументальная скульптура Ленина.

А рядом — Доска почета. На ней — портреты передовых людей колхозов Александровского района, за доблестный труд удостоенных высокой правительственной награды - ордена Ленина. Здесь же начертаны имена тех александровцев, которые добились наилучших успехов в борьбе за решение поставленной партией задачи—в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, молока и масла на душу населения. Ставрополье, вместо 30 миллионов пудов хлеба в 1920 году, ныне ежегодно дает Родине 70—100 миллионов пудов прославленной на весь свет пшеницы.

...Давность лет не изгладила из памяти людей села Александровского образ великого Ленина таким, каким его видели и знали их земляки-односельчане Иван Стефанович Черкашин и Варвара Фоминична Козлова. И когда колхозники пристально всматриваются в приметы обновленной жизни, то во всем они зримо видят и чувствуют вечно живого Ленина.